

Ким Корсак

Предел погружения

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Ким Корсак

Предел погружения

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Корсак К.

Предел погружения / К. Корсак — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Адмирал, уставший от выходок своего племянника-студента, отправляет его на подводную лодку, которой предстоит трудный поход в Арктику. Три месяца во льдах - достаточный срок для перевоспитания. Но с самого начала всё идёт не по плану, и впору схватиться за голову...Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Глава 1

Он позвонил раз, другой, с силой вжимая кнопку, наваливаясь на неё. После пяти лестничных пролётов он всё же тяжело дышал, грудь ходила ходуном, и это невольное свидетельство слабости, возраста злило его ещё сильнее. За дверью не было слышно ни звука.

Он полез было в портфель за мобильником, махнул рукой и достал ключ. Набрать Сашку ещё успеется, хотя вряд ли от этого будет какой-то толк, если он до сих пор отсыпается у своих подружек-приятелей. А если он дома, но не открывает...

Если ты дома, Сашка, берегись.

Замок тихонько щёлкнул, дверь открылась. С порога потянуло горьковато-приторным, тяжёлым – он повёл носом, принюхиваясь. Что только за дрянь сейчас курят.

Ну да ладно. Лишь бы без наркоты.

Лишь бы без наркоты, твердил он про себя, разуваясь, аккуратно пристраивая туфли к горе ботинок и носков у стены. Снял фуражку, повесил, поискал глазами тапочки – которых, конечно, не было. Зашлёпал в носках – через холл, в кухню, где чад стоял ещё гуще, и спиртом почти даже и не пахло, всё больше этой цветочной дрянью. И пепел, разумеется, пепел – серыми горстками на паркете, на полированной крышке стола, а под столом – бутылки, завалившийся набок кальян. Темно-бурое присохшее пятно на гладкой, цвета слоновой кости панели – он поскреб его пальцем. Коньяк? Ну не кровь, это уж наверняка, Сашка, конечно, идиот, но не до такой же степени...

Тут что? Гостиная. Кресло на боку. Хорошее кресло, должно выдержать. Чипсы рассыпаны, ещё пакет чипсов, нетронутый, тарелки свалены. И гондон. Точнее, два гондона: один, смятый, на полу, второй на диване – голова свесилась, рот приоткрыт. Сашка.

Пощупал – кожа болезненно-прохладная, влажная, на шее капельки пота. И белый весь, белый – конечно, если круглые сутки этой адовой смесью дышать, которая у него тут вместо кислорода. В автономке на девяностые сутки воздух чище был.

Тряхнул за голое плечо – Сашка замычал, моргнул, разлепляя глаза. Мазнул мутным взглядом – и охнул, в глазах появилась осмысленность.

– Дядь Слав?

– Сейчас будет тебе дядя, – тихо, с расстановкой произнёс он. – Ты чем тут занимаешься, етить твою, рыцарь пера и клавиатуры? Сдал он, значит, хвосты. А мне звонит его декан, когда я лежу себе на даче в гамаке и никого не трогаю – звонит и говорит, так и так, готовим документы на отчисление!

– Дядь Слав, – Сашка поморщился, с трудом приподнимаясь, – ну я же говорил вам... им лишь бы придраться. А я устал.

– Устал, – повторил дядя.

– Ну да... Наверное, не моё это – журналистика.

Он поднёс руку ко лбу, осторожно помассировал висок костяшками пальцев.

– Дядь Слав, – прошелестел, – а можно воды?

– Воды, – вновь эхом отозвался дядя. – Воды. Ну да, конечно, можно! И побольше, – он усмехнулся, растягивая губы. – Только вода тебя, Саша, и спасёт.

– Ну не надо только стёба, – Сашка вновь повалился на подушку, – видите же, плохо мне.

– Ничего, – дядя повернулся к нему спиной, зашагал на кухню, – ничего, скоро будет хорошо!

Он потянул ручку, распахивая окно, с наслаждением глотнул влажного воздуха. Заглянул в чайник – ни капли.

– А вот скажи мне, сокровище ненаглядное, – он повысил голос, открыв кран, – не пойти ли тебе туда, где таких, как ты, очень ждут? Не приложить ли все твои нерастраченные юные силы на одно крайне полезное и нужное дело – защиту Родины?

Из комнаты донеслось нечто невразумительное.

Закрыв кран, дядя прошествовал обратно. Сашка лежал, прижимая к груди подушку, и боль хмельного пробуждения в его глазах уже разбавилась тревогой.

– Дядь, про армию – это же ты не всерьёз? Я не пойду! У меня справка, ты же знаешь!

– Справку эту я тебе нарисовал, – дядя подошёл к окну, распахнул и его, оперся ладонью о подоконник. – Могу нарисовать и новую – о том, что ты целиком и полностью готов упасть в объятия воинской службы. Но есть для тебя и другой вариант.

Сашка дёрнулся на диване, выдернул одеяло из-под задницы, накиннул на плечи.

– Окно прикрой! Холодно же.

– А тебе самое время привыкать к трудностям и лишениям, – хмыкнул дядя, сунул ему в руку стакан. – На, пей. Распустил я вас. Алька-то где?

– Да фиг её знает, опять, наверное, на канал ушла рисовать.

– На канал, как же, – буркнул он, – гулянки-ночёвки... Ладно, я и за неё возьмусь. Но сперва ты. Рассказывай, почему дипломное задание не выполняешь.

– А как его выполнять? – Сашка глотнул, зубы стукнули об обод стакана. – Уж если писать, так про что-то выдающееся. Где его найдёшь? Скука одна.

– Подвигов, значит, не хватает?

– Только вот про армию опять не начинайте, – он мотнул головой. – Сказал же: не пойду.

– А это не тебе решать, – дядя покачал головой. – Но раз уж ты четыре года учился статейки писать, грех оставить тебя без диплома о высшем образовании только потому, что тебе на пятом году моча в голову ударила. Наоборот – развернёшься, покажешь, на что ты способен!

– В смысле? – Сашка озадаченно нахмурился. – Дядь, ты о чём?

– О Родине, конечно, – дядя с чувством улыбнулся. – Выбирай, сколько ты готов посвятить ей: год или девяносто дней.

– ...А когда он остывал, он любил с нами за жизнь разговаривать. Вот так сядет на парту, ногой болтает и спрашивает: ну а служить-то вы где хотите, миноги? Ну, я ему: здесь же, на Балтике. Всё под боком, до дома недалеко, девчонки в мини по Невскому расхаживают. А на Чёрное море попасть и того лучше. Солнце, тепло, мини ещё короче.

– Рай небесный, – хмыкнул из-за пульта Карцев, потирая кончик носа. – Ну и как, он впечатлился?

– Языком поцокал и посмотрел печально. Эх ты, Ивашов, говорит, я тебе сейчас раз и навсегда судьбу твою предскажу, и даже ручку мне золотить не надо. Лежит тебе путь-дорога напрямиком из училища да на Север – жопу морозить и сопли пускать. Десять лет будешь на железе и есть, и спать, берег только во сне видеть. А потом – выйдешь на пенсию поседевшим в тридцать каплеем. И побежишь от моря со всех ног, не оборачиваясь.

– Мда, расписал как по книжке, – Карцев потянул носом, покрутил стриженной головой. – Слушай, во что бы высморкаться... у тебя нет?

– Платочков с лавандой? – Ивашов хохотнул. – Так вот, а я в ответ: тащ капраз, может, я ещё до адмирала дослужусь, к вам с проверкой приеду. А он ржёт, вот прямо в голос. Ну точно, говорит, Ивашов, я хренов Нострадамус, не ошибаюсь в предсказаниях! Ты Севера ещё даже не нюхал – а мозги у тебя уже смёрзлись!

Карцев издал какой-то булькающий звук в ладонь – то ли фыркал, то ли сморкался. Ивашов беззвучно вздохнул, глядя на него, и откинулся на спинку кресла, вытянул ноги под пульт.

Конечно, он был готов, он ждал этого, ждал темноты и сугробов по горло, ждал мошканы, набивающейся в рукава куртки и лезущей в глаза, ждал искрящей проводки и вечно протекающих кранов в казённой квартире, ждал, что Даша отведёт глаза и признается: она, конечно, его очень любит, но Оленев – его даже на картах нет, городишко на тридцать домов, словом... словом, у них была светлая и прекрасная любовь, пока он был курсантом, а теперь он аж целый лейтенант и, конечно, встретит ту самую, единственную.

Ивашов ждал – и улыбался, когда ожидания сбывались.

Вот только перед автономкой Питер так и лез в голову своими проспектами, шпилями, воздушными тоненькими девицами, проплывающими мимо на эскалаторах. Что в первый раз так было, что сейчас.

А Карцев всё шмыгает. Что ж такое.

– Паша, – Ивашов повернулся в кресле, – может, тебе балласт в носу продуть? Задолбал уже сморкаться.

– А что я поделаю, если закладывает? Я к доктору ходил, он говорит – не мешай, у нас опись, лекарства принимаем.

– Опять небось по описи не сходится, – он махнул рукой. – У меня где-то капли были, но за ними надо в каюту бежать.

Карцев меланхолически качнул головой.

– Не советую. Командир, как полагается по закону подлости, спустится к нам именно в тот момент, когда тебя не будет на боевом посту.

– А чего это – меня? Тебе нужны капли – ты и беги, хоть сейчас, хоть потом.

Карцев помолчал. Поднял палец, прислушиваясь: по трапу стучали шаги.

– Сейчас начнётся, – пробормотал он. – Будет рвать и метать.

– Ты что, слышишь командирское настроение по звуку шагов? – хохотнул Ивашов. – Тебе не в механики надо было – в акустики... а лучше в замполиты, они-то всегда на начальство настроены, как локаторы.

На ответ у Карцева не было времени: дверь стукнула, в центральный пост вошёл командир.

– Здравия желаю, товарищ командир! – Ивашов поднялся. – За время вашего отсутствия никаких...

– ...происшествий не случилось, – вошедший махнул рукой. Снял с головы фуражку, пристроил её на спинку своего кресла. – Вольно, сядьте уже. И расскажите мне, с каких пор наш корабль утратил своё стратегическое назначение и превратился в круизный лайнер.

Ивашов озадаченно нахмурился. Командир любил, конечно, зайти издали, но чаще хотя бы можно было догадаться, куда он клонил и где на этот раз накосячили его непутёвые подчинённые.

– Не могу знать, тащ командир...

– Не знаете? А ещё стоите дежурным по кораблю, – командир опустил в кресло, потёр поясницу ребром ладони. Свободной рукой потянулся к «Каштану»:

– Старпома в центральный.

Выпрямился в кресле, отводя плечи назад, и хмыкнул:

– Замполита бы ещё неплохо. Это дело по его части.

– Константин Иванович на берегу, – прогнусавил Карцев, – у жены под боком. Вызвать?

– Успеется. К автономке-то готовы?

– Готовимся, тащ командир.

– Завтра проверка. Чтоб ни на волосок не нашли к чему придраться, ни на крупиночку! Иначе я вас... – он медленно, с наслаждением сжал кулак, потёр пальцами, показывая, как будет снимать всех в пыль. – Карцев, механиков это больше всего касается.

– Так точно!

– Меня и так сегодня обрадовали в штабе дивизии. Хотел бы я знать...

– Вызывали, Роман Кириллыч?

– Заходи, заходи, Палыч. Послушаешь сказку, которую мне сегодня с утра комдив рассказал.

Проводив взглядом старпома, протискивающегося между аппаратурой, командир вытащил из кармана куртки сложенные листы бумаги, прихлопнул их ладонью к столу.

– Комдиву звонили из Москвы. Вершинина помните? Два года назад нашу дивизию смотреть приезжал, ещё вице-адмиралом.

– «Яблочко» пел за ужином, – хмыкнул старпом. – Заслушаешься.

– Так вот. У адмирала Вершинина, большого поклонника лирической песни, есть племянник. Журналист. По словам самого адмирала Вершинина – личность творческая, крайне талантливая. И вот, помимо стрельбы баллистическими ракетами и скрытного возвращения в базу, нам поставлена ещё одна боевая задача: помочь таланту Вершинина-младшего раскрыться на борту нашего корабля. Он идёт с нами в море и пишет о нас яркий, красочный, наполненный эмоциями репортаж.

Старпом моргнул. Ещё моргнул. Глаза Карцева, и без того большие, как плоски, округлились. Он беспокойно заёрзал в своём кресле.

Командир, не обращая внимания на телодвижения, продолжал:

– Это в теории. На практике – мы берём его покатайся в автономку. Мы следим, чтобы за девяносто суток он не расшиб себе лоб о переборку – это раз, и чтобы не потопил нас неосторожным движением руки – это два. Что именно будет вариться в его мозгах – не наша проблема, главное, чтобы остался вменяемым.

– Так вменяемым-то и личный состав не весь возвращается, тащ командир, – вставил старпом.

– Не беспокойся: как мозги вправить моему офицеру или матросу, я разберусь. А адмиральский племянник – существо хрупкое и беззащитное, за ним присмотр нужен.

– Да кто его вообще на лодку пустит, – буркнул Ивашов и тут же мысленно одёрнул сам себя. Командир медленно повернул к нему голову.

– Пустим, Ивашов, в том-то и беда. Племяннику готовят журналистскую аккредитацию при Министерстве обороны.

Старпом покачал головой.

– Влипли.

– Ну а что, – Карцев подал голос, – в девяносто шестом в автономку на полюс целый косяк журналистов водили – и ничего. Фильм даже сняли.

– У них старшим в группе был полковник, дурья твоя башка! – старпом ткнул себя пальцем в лоб. – А этот? Мажор под кислотой?

– Отставить пораженческие настроения, – командир выдавил из себя ухмылку. – Приказ есть, будем исполнять. Через три дня Александр Дмитриевич Вершинин поднимется к нам на борт. Не упустите случай показать ему настоящее военно-морское гостеприимство, – мягко произнёс он, приподнял брови. Старпом вновь моргнул:

– Есть показать военно-морское гостеприимство!

– Вот и прекрасно, – командир хлопнул его по локтю. – Наш корабль он никогда не забудет. Наш корабль начнёт сниться ему в снах, после которых он будет в слезах вскакивать на постели и бежать в галюн с криками «мамочка!» Понятно?

– Так точно!

Ивашов и Карцев переглянулись, покосились на старпома. Тот кивнул с видом зловещей решимости.

– Изучайте тогда, – командир подтолкнул к нему ладонью сложенные листки. – Всё, что мне прислали о нашем будущем, хм, боевом товарище. Я у себя, – он поднялся, – о ходе подготовки систем докладывать мне каждый час. Появится замполит – сразу ко мне.

Глава 2

Сашка чувствовал, как взбрыкивает под ним сиденье, и тусклая зелень веток в окне норвила перекосятся, уйти вниз или наоборот заслонить собой бледный лоскут неба. По ушам дуло: окно спереди, по словам водителя в ношенной матросской форме, не закрывалось уже года два – хотя, может, он выдумал это, чтобы спокойно дымить. Дым тоже тянуло назад, и у Сашки скребло в носу.

Последнее место, отдалённо напоминающее населенный пункт, они проехали полтора часа назад – два домишка, три сарая. И потом только выступающие позвонками сопки, сочно-зелёный травяной ковёр – болота на сорок километров, буркнул под нос матрос – и снова сопки и нежно-голубоватая, едва различимая впереди кромка моря.

Дремать в тряске не получалось, и Сашка смотрел. Смотрел, прикинув щекой к стеклу: вот за тучами блеснуло, осветлило золотыми брызгами листву, стволы, разбитый асфальт – и опять исчезло, опять всё темно, и тихо, и ждёт дождя, нахохлившись.

Пусть чужая, холодноватая, совсем не такая, как дома – но всё же это была красота, и это были последние моменты, когда он мог просто видеть небо и землю. Пока его ещё не посадили в железную бочку и не захлопнули люк.

Спасибо, дядюшка. Удружил.

В листве мелькнул полосатый шлагбаум. Матрос тормознул возле будки, сунул какие-то бумаги в окно. Несколько секунд, и шлагбаум начал с натугой, со скрипом подниматься. Матрос поддал газу, словно он, как и Сашка, опасался, что железная палка даст им по крыше со всей дури, когда они будут проезжать.

Машина вильнула раз, другой, медленно пошла вниз по раздолбанной грунтовке. Через несколько сотен метров, чавкнув, остановилась. Матрос повернулся к Сашке с виноватым видом:

– Там дальше перерыто. Дойдете? Всё время вниз, вниз, увидите пирс. «Белуга» слева с краю пришвартована. Да вы не ошибётесь: там сейчас беготня, погрузка.

– Спасибо, – Сашка кивнул, вылез из машины. Закинул рюкзак на плечо, захлопнул за собой дверцу.

Шагать под уклон было легко, но он не спешил. Как в детстве, бывало: к зубному от остановки надо было пройти всего три дома и маленький дворик, но Сашка шёл вразвалочку, наслаждаясь каждым шагом, сделанным всё ещё на свободе, снаружи, а не под сводами пыточного логова, по ошибке названного стоматполиклиникой.

Но пирс – вот он уже, и черная спина лодки высоко торчит. Люди на ней тоже в чёрном, и слабо доносятся голоса, что говорят – не разобрать, и море плещет, накатывая на плиты.

Море.

Сашка присел на коленки, протянул ладонь вперёд, и её лизнули холодные брызги. Эх, хорошо дышится, хорошо от солоного вкуса на языке, только это всё на пару минут от силы. Вон уже матрос косится из-за стекла своей будки. Пора.

А может, плюнуть? В Питер пока не возвращаться, рвануть на юга, подождать, пока дядя остынет. Вот прямо сейчас – развернуться и пойти наверх, миновать пропускной пункт, узнать, во сколько и куда отсюда уходит транспорт. Не будут же его задерживать.

Он постоял, глядя, как пенится и шипит вода, отступает, оставляя впереди лишь влажную полоску – чтобы тут же навалиться вновь. Поправил лямку на плече и зашагал напрямиком к будке.

– Здравствуйте, – прочистил горло, пальцы сжали пуговицу куртки. – Я Вершинин. Вам должны были позвонить... сказать.

Оловянные глаза уставились на него без всякого выражения.

– Ваши документы.

Сашка полез в карман, зашуршал бумажками. Паспорт, приказ из штаба, приказ из министерства, аккредитация, подписки о неразглашении – одна, вторая, третья... Паспорт выскользнул из пальцев, хлопнулся на пирс, страницы зашелестели. Хотя бы не в воду.

А если бы в воду, его бы на борт не пустили?

– Проходите, – охранник протянул ему паспорт и бумажки. Сашка покосился на деревянный трап, круто поднимающийся куда-то на самую крышу.

– Извините, – он переступил с ноги на ногу, – так это наверх? А мне надо внутрь?

– Сверху спуститесь, – рассеянно отозвался парень, глядя куда-то поверх его головы. С той стороны доносились пронзительные птичьи вскрики, и возня чаек, кажется, уже интересовала охранника больше, чем гость.

Ладно. Перила есть – хоть это хорошо.

Сашка шёл медленно, аккуратно ставя ногу на вздыхающие доски, не выпуская перил. Ветер дул прямо в горло, забивая его чем-то острым, колючим, волосы лезли в глаза.

Могли бы и встретить, вообще-то. Не заставляя его совершать подвиг восхождения в одиночку.

Вверху мелькнула черная фигура, и Сашка, собравшись с духом, позвал:

– Здрасьте! Я Вершинин! К вам, на «Белугу»!

Фигура замерла, но оборачиваться к нему не спешила. Сашка уже почти долез до верха, когда она наконец повернулась, и на него глянуло из-под пилотки обветренное красное лицо:

– Журналист?

– Ну, в общем, да, – он с облегчением улыбнулся, неловко протянул руку:

– Александр Дмитриевич. Можно – Саша.

– Владимир Петрович, можно – товарищ старший мичман, – он лениво пожал Сашкину ладонь. – Спускайтесь, вас командир уже заждался. Не спит, не ест, извёлся весь.

Сашка хмуро взглянул ему в лицо, мичман ответил невозмутимым взглядом.

– Сюда, Александр Дмитриевич, – нагнувшись, он откинул массивную круглую крышку.

Сашка наклонился – и шатнулся назад, выпрямляясь, инстинктивно ища, за что бы ухватиться.

Хвататься было не за что, а из-под крышки на него смотрел темный узкий жёлоб, уходящий прямо вниз. У жёлоба не было дна.

– Да вы шутите, – пробормотал Сашка, зло глядя на мичмана. – Должен же быть нормальный вход.

– Ну что вы, Александр Дмитриевич, – мичман улыбнулся, – где это вы слышали, чтобы на флоте шутили над теми, кто только-только пришёл на корабль? Это и есть нормальный вход. Ненормальный – через торпедный аппарат.

– Ну... ну тогда покажите, как по нему спускаться.

Мичман пожал плечами, потянулся вперёд-вниз, забираясь в люк, и полез по узкой лесенке – только руки-ноги замелькали. Вон он, уже внизу, запрокинутая голова торчит.

– Спускайтесь, Александр Дмитриевич! Если что – поймаю!

Сашкины щёки обдало жаром. Он почувствовал, как шее, лбу становится влажно от пота. Первый же встреченный член экипажа смеялся над ним, над его страхом – не офицер даже, какой-то мичман.

Сашка полез. Сжимая руки на перекладинах, сжимая зубы, чувствуя – вот-вот нога поедет, за ней – вторая, и он повиснет, и ладони не выдержат, разожмутся, и – затылком об железный пол...

Мичман благодушно кивнул, когда их лица оказались вровень.

– Привыкнете. В автономке, собственно говоря, трудно только первые восемьдесят девять дней.

Сашка кивнул. Коленки прыгали, и в горле всё прыгало. Мичман это, наверное, понимал – он ничего больше не говорил, только легонько подтолкнул его под локоть.

– В центральный – сюда. Тащ командир, – заглянул первым, – прошу разрешения. Я журналиста привёл.

Журналист, худенький, беловолосый, в новенькой кожаной курточке, стоял и улыбался, не знал, куда девать руки. То отводил их назад, то начинал крутить застёжку под горлом. Он был весь золотисто-белый, аж прям светился – волнистые пряди на лбу, брови, ресницы, щёки, уши, тонкие длинные пальцы – и Кочетова это раздражало безмерно. Кочетов старался успокоиться и говорил медленно, с расстановкой:

– Осваивайтесь. На ближайшие три месяца вы – наш, и чем скорее вы это почувствуете, тем легче будет вам. И нам тоже. Вы, насколько я понимаю, собираетесь писать значительный журналистский труд? Не откладывайте его до конца похода, – он придвинул к себе пальцем ручку, крутанул в ладони. – Понимаете, безделье в автономке – самая страшная пытка. Экипаж от неё более-менее застрахован моими и старпомовскими усилиями, а вот вы... – он покачал головой. – Ищите себе занятие. Следите, чтобы оно было не разрушительным. Поняли?

– Понял, – парень кивнул, и командир беззвучно вздохнул. Птенец, совсем жёлтый – ну что на него сердиться? Скучно стало в Питере, захотелось на подводной лодке поплавать, а дядюшка-адмирал тут как тут. Вот с него бы и спросить. Узнать, зачем он своего родственника с головой окунает туда, откуда ему лучше держаться подальше, чистенькому и мягонькому.

– Сейчас капитан-лейтенант Карцев проведёт вас по кораблю, расскажет в общих чертах, что к чему. Потом он проводит вас в вашу каюту, где вы сможете отдохнуть. Будут какие-то вопросы ко мне – задавайте, но не раньше, чем мы пройдем узкость и погрузимся на рабочую глубину. Сейчас у нас очень мало времени, когда выйдем в море, его будет и того меньше.

Парень снова кивнул доверчиво, и Кочетов усмехнулся:

– А вообще, не стесняйтесь спрашивать. Кого угодно, о чём угодно. На то и вопросы, чтобы сблизиться, не зажиматься в своём панцире. Но и не обижайтесь, когда вам будут отвечать «Пшёл нахуй». Чаще всего это не со зла. Это просто значит «нет времени».

Брови приподнялись. Удивляется.

– Я запомню, товарищ капитан первого ранга.

– И не нужно так длинно. Просто – «товарищ командир».

– Хорошо.

Теперь улыбается – уже не той потерянной улыбкой, поспокойнее. Вот и славно.

Не надо в море дёрганым выходить. Даже журналисту.

– Карцев, – подтянул к себе провод «Каштана», – в центральный, бегом. Вершинин тебя уже ждёт для экскурсии.

Построение в восемь вечера, и домой его уже не отпустят – можно не гадать. Если бы не этот журналюга питерский, ещё можно было бы на что-то рассчитывать... хотя кого он обманывает? Не бывало ещё такого, чтобы в день выхода в море отпускали с корабля.

Значит, Настюху он не успеет обнять, только увидит её тёмный затылок на пирсе, в толпе. Если она ещё придёт. Зря они поцапались из-за этого пылесоса, надо было сразу бежать в магазин за новым, и за цветами, и сажать Настюху к себе на колени, целовать её волосы, пахнущие мёдом и цитрусом. А теперь она дуется, он уходит на три месяца, и ни тебе тягучих томных телодвижений на разложенном диване, ни дёрганных конвульсий у стены – ценой ноющих лопаток и дрожащих коленок. Иди, глотай слюну и щёлкай зубами.

– ...Павел, я правильно понимаю, отсюда управляется атомный реактор?

Журналист с опасливым почтением косился на пульт ГЭУ.

– Реакторы, – Паша Карцев подавил зевок, поднёс ладонь ко рту. – У нас их два. Если один выходит из строя, не грустим, переводим все системы на второй и херачим дальше. Если, конечно, первый поломался не настолько хорошо, чтобы рвануть и разнести лодку к японке-матери.

Вершинин быстро кивнул.

– А где сами реакторы?

– В корме, мы до неё ещё доберёмся. Вообще, одному тебе в корму ходить не советую – заблудишься... твою ж налево, ну кто лезет в переборочный люк жопой вперёд?

Он ухватил журналиста за плечо, подтолкнул вбок, к стенке.

– Смотри, учись, салага, как переходить из отсека в отсек.

Привычным гибким движением он скользнул за переборку, выпрямился.

– Боком, боком лезь. Голову-то пригни! Ну, молодец, пошли дальше. Надо тебе святую святых показать. Знаешь, что на лодке самое главное?

– Центральный пост? – неуверенно предположил журналист. – Так мы оттуда и вышли. Может, кают-компания?

– Нужное место, – Паша одобрительно кивнул, – но гальюн важнее. Очень советую тебе с первого раза запомнить, как им пользоваться. А то всякое случается. Был у нас замполит... кстати, ты уже видел нашего замполита?

– Нет.

– Ну, жди, прибежит знакомиться. Ему делать-то нечего, как и тебе. Так вот, тот замполит, который был до него, себе парадный китель дерьмом уляпал – вместе с фуражкой, брюками и кортиком. А всё потому, что не проверил давление, когда смывал. Короче, смотри...

Ну, если Настька не придёт его провожать, пусть даже не рассчитывает, что он ей спустит. Пылесос ей важнее родного мужа, скажите пожалуйста. Ничего, небось за три месяца хвост прижмёт, затоскует... а он-то как затоскует, господи, Настька, хрен с ним, с этим пылесосом, их можно хоть два купить, хоть три, приходи только.

Нельзя же так – идти в море и не видеть её макушки.

– Ну вот, а здесь наше механическое царство. Именно благодаря нам, механикам, эта лоханка ещё как-то держится на плаву и не протекает. Вершинин, ты физику-то в школе учил?

– На четвёрку вытянули в одиннадцатом классе, – он смущённо пожал плечами. Паша махнул рукой:

– Тогда мне с тобой и говорить не о чем, всё равно не поймёшь. Ладно, проведу тебя наскоро – и не мозоль нам тут глаза.

– Погоди, а там, – журналист обернулся через плечо, указал на широкую железную пластину, крашеную в жёлтый, – что?

– Ааа, – протянул Паша, растягивая губы в улыбке, – это спуск в трюм. Туда мы, конечно, не пойдём... Впрочем, ты ведь давал подписку о неразглашении? Тебя допустили к гостайне?

– Да вроде подписывал бумажки, – Вершинин сглотнул. – А что?

Паша переступил с ноги на ногу.

– Нет, извини, Саш, я на себя такую ответственность не возьму. Хочешь спускаться в трюм – иди к командиру за разрешением.

Журналист озадаченно нахмурился. Паша, помолчав, добавил негромко:

– Да, и на твоём месте я бы раз десять подумал, прежде чем спускаться. Опыты на людях – зрелище не для впечатлительных.

Губы журналиста запрыгали:

– Какие... эй, какие ещё опыты?

Паша сурово наклонил голову.

– Говорю же, все вопросы – к командиру. Он ответственный за эксперимент. Пошли, – он потянул журналиста за рукав, – покажу тебе нашу автоматику.

Глава 3

– По местам стоять, к погружению!

Над головой хрипело, потрескивало. Сашка повернулся на бок, натянул на плечо сползшее одеяло.

Одеяло было тонким, но мягким, и грело, пальцы уже не мерзли. Спать не хотелось, хотелось выглянуть из каюты, зайти в центральный, видеть, что происходит, как лодку уводят вниз, но сейчас ведь в центральном и без него забот хватает. Командир не зря предупреждал.

Что ж, это не в первый раз – оказаться в стороне, случайным, ненужным, в то время как все кругом чувствуют друг друга с полужеста.

– Погружаться на глубину шестьдесят метров, дифференциал пять градусов на нос...

Сашка сел на койке, подтянул колени к груди.

Неделю назад в это время он тихо-мирно попивал сидр в пабе на Кирочной, потом шёл гулять по каналам, куда ноги выведут: хоть к Дворцовому мосту, хоть на Выборгскую сторону. Подставлял лицо ветру, поглядывал на щебечущих туристов.

К вечеру можно было зайти в клуб. Горячие руки на талии, капельки пота на висках, биты, пульсирующие в затылке. Изгибаться, извиваться, приникать телом к телу, глотать паршивый виски, разбавленный сладкой колодой. А потом вырваться из прокуренного, проспиртованного зала на свежий воздух, пить и пить его.

Вот здесь, на лодке – когда он сможет снова его глотнуть?

– Скорость пять узлов, глубина двадцать пять... тридцать... тридцать пять...

Свободы всегда было много. Забросить академию, сидеть на берегу с бумагой и карандашами вместо лекций, валяться на кровати с книжкой вместо задач по геометрии... даже и школу прогуливать целыми днями – ну, это ещё до Питера было, они ещё были маленькими. Мама уходила вечером и возвращалась в середине дня – сонная, с розовыми набухшими веками, растрепавшимися волосами. «Сашка, Алька, уроки сделали?» Не дожидаясь ответа, валилась на диван, зевала. Они ставили ей рядом с кроватью пластиковую бутылку с водой, тарелку с бутербродами, если что-то ещё оставалось в холодильнике и в хлебнице, и бежали на овраг – там собирались все со двора.

– Сорок пять... пятьдесят... пятьдесят пять...

Может, всё-таки в центральный? Или к механикам. Как-никак, считается, что он здесь для того, чтобы репортаж писать – а как он напишет репортаж, не выходя из каюты?

А как называют на флоте посторонних, которые мешаются под ногами в ответственный момент, да ещё, чего доброго, лезут с расспросами? Сходи к механикам, Вершинин – узнаешь.

Хмыкнув, он спустил ноги на пол, потянулся под койку за своим рюкзаком. Надо выложить то, что ещё не успел: блокнот с ручкой, блок ментоловой жвачки, томик Лорки. Смена белья – ладно, пусть пока лежит. Тюбик пасты, щётка – в тумбочку. Шарф можно не выкладывать, он его взял на всякий случай: никто так и не сказал ему, жарко или холодно на подводных лодках. Пока вроде ничего, в рубашке и брюках нормально.

– Глубина шестьдесят метров. Осмотреться в отсеках.

– Второй отсек осмотрен – замечаний нет.

– Первый отсек осмотрен – замечаний нет.

– Восьмой отсек осмотрен – замечаний нет...

Уши закладывает, прямо как в самолёте. Интересно, потом пройдёт или все три месяца будешь ходить с чувством, будто тебе в уши ваты напихали? Можно у врача спросить. Где-то недалеко врач, Паша показывал его кабинет. Или каюту? Как это здесь называется? Надо зайти к врачу и познакомиться, и про уши спросить.

Подходить к незнакомым людям и протягивать руку со словами «здорово, я Саша» – стрёмно, но одному ещё стремней. Хотя, по идее, эти все детские страхи не идут ни в какое сравнение с тем, что у тебя прямо вот тут, за стенкой – вода.

А в неё не верится. Ну серьёзно, какая ещё вода? Там должно быть небо, и асфальт, и деревья. И люди чтоб ходили.

– Удифферентовать подводную лодку на глубине шестьдесят метров на ходу пять узлов с дифферентом полградуса на нос...

Да ещё трюм этот. Как спросить про него командира? «Скажите, а правда ли, что вы на своей лодке над живыми людьми эксперименты проводите?» Ерунда, скорее всего, Паша экспериментами для красного словца обозвал какие-нибудь тренировки подводников – дядя Слава рассказывал, что его в своё время чуть ли не в торпеду засовывали с головой. Но мало ли... Может, сначала ещё у кого спросить – хоть у врача? Он-то должен знать.

В сущности, одно то, что он сам, Сашка Вершинин, оказался в железной коробке под слоями воды – тот ещё эксперимент в особо извращённой форме.

Ну ладно, дядя Слава, будет тебе репортаж.

– Тащ командир! А, тащ командир?

Кочетов шёл быстро, но Илья не отставал, успевая вовремя пригнуться, чтобы не треснуться лбом.

– Тащ командир, разрешите обратиться?

– Ну обращайся, – буркнул Кочетов, не оборачиваясь.

– А почему этого питерского ко мне поселили? Это такое дисциплинарное взыскание, не предусмотренное уставом?

– Поговори мне ещё. Петрова на К-213 перевели, у тебя в каюте место свободно. Ты что, хотел жить один в роскошных апартаментах, как адмирал?

– Никак нет, – пробормотал Илья. – То есть... ну я ж ему не нянька и не замполит. Что я с ним делать буду?

– А меня ебёт? – командир пожал плечами. – Хоть серенады пой. Главное, следи, чтоб он был жив-здоров и чтобы никуда не лез ручонками своими шаловливыми.

– Ага, гражданские – они это любят, – вставил Витька из-за перегородки. – Помните, к нам министерскую экскурсию водили? «Ой, а что это за ручка? Ой, а я нажму сюда? Да я понарошку...»

– Чиновники, хуле, – вздохнул Илья. – Тащ командир, но если его присутствие будет отвлекать меня от служебных обязанностей, могу я подать вам...

Рука командира уперлась в стенку над головой Ильи.

– Если тебя что-то будет отвлекать от обязанностей, я возьму тебя за хрен и подвешу вместо флага. Усвоил?

– Так точно!

– А теперь скройся с глаз моих. У тебя смена кончилась, а мне ещё ебаться и ебаться.

– Есть, – Илья машинально наклонил голову, зашагал дальше по отсеку.

Во рту было вязко, воздух казался плотным, тяжёлым. Так всегда бывало первые пару часов после погружения, потом Илья привыкал. В первой автономке он то и дело бегал смотреть процент кислорода в отсеке – начим только плечами пожимал. «Что ты дёргаешься, Илья, у меня всё точно, как в аптеке. Десять, не больше и не меньше. И ничем наш воздух не отличается на вкус от атмосферного, не выдумывай».

Но Илья-то знал. И фиалки в кают-компании знали: каждый раз их приносили в горшках, и они держались пару недель, а потом начинали сохнуть, и никли, сворачивались лепестки. Химики приходили со своими приборами, измеряли, разводили руками:

– Влажность нормальная, состав почвы нормальный, радиоактивный фон в норме. Может, ваши матросы их не поливают?

Илья зыркал на химиков. Как они не понимают простых вещей? Здесь, на лодке, неживой воздух, здесь долго не протянет ни одно живое существо.

Кроме подводника, конечно.

– Эй, Илюха, – снизу негромко свистнули, – замечтался?

Он остановился, махнул рукой.

– Здорово!

– Спускайся, дело есть.

Он сбежал по трапу, подошёл к Артуру, крутившему в руках запечатанный пакет.

– Ну, что?

– Давай-ка присядем, – Артур опустился на ящик с запчастями, стоящий у стены. – Давай-давай, садись. Илюха, ты у нас семейный, так? И жена у тебя – человек с культурными запросами.

Илья подавил вздох.

– Ну допустим.

– Так она, наверное, балет любит? И тебя таскает на него время от времени? Всякие там белые лебеди и воздушные сильфиды.

– Откуда ты слово-то такое выкопал, – Илья покачал головой, – сильфиды... Артур, если есть дело – говори, а балетные рассказы мне ни к чему, я в каюту – спать.

– Сильфида, – Артур мечтательно улыбнулся, подпер щеку ладонью. – Её Эля зовут. Солистка Мурманского театра оперы и балета – так она мне утром сказала.

– Ого, – Илья покосился на него с любопытством. – Ты из-за неё, что ли, на построение опоздал?

– Ну! Мы с ней ночью два раза и ещё перед завтраком – пришлось кофе на ходу глотать, пока штаны искал! И, между прочим, – Артур наклонился к нему, понизил голос, – она намекнула, что была бы рада продолжить наше знакомство уже всерьёз. Так что возвращаемся из похода – я сразу в отпуск и к ней.

– Поздравляю, – хмыкнул Илья.

– За первые дней пять можно не беспокоиться. Даже за первую неделю. Но потом-то нам придётся ещё и разговаривать. А как мне с ней говорить? У неё небось в голове Чайковский, пуанты, все дела, а я ей буду рассказывать, как мы из цистерн дерьмо вычищаем?

– А чего сразу про дерьмо? Рассказывай про борьбу за живучесть – вон, как пожар в четвертом отсеке тушили.

– Когда кок на плиту масло пролил? – Артур хохотнул. – Ну а что, если правильно подать, очень героическая история получится. Бабы – они любят всё героическое, и чтоб красотей побольше.

– Я раньше тоже так думал. А сейчас Лена отмахивается, когда я про службу начинаю. «В отпуск-то когда? Премии опять урезали?»

– Ну, это не беда. Вы ж не скандалите десять раз на неделю?

– Мы вообще не скандалим, – поморщился Илья. – Ей, по-моему, со мной скучно. Да ладно, – он поднялся, – хрень это всё, и балерины твои – тоже хрень. Я иду впадать в спячку.

– Вот и советуйся с таким... Погоди, – Артур пихнул ему в руки пакет, – соседу своему отдашь.

– Одежда?

– И дыхательный аппарат. Заодно передай, чтоб после ужина ко мне зашёл.

– Учить будешь? Слушай, а ты можешь его во время учёбы закрыть в торпедном аппарате – и чтоб не вылезал суток эдак двое?

Артур присвистнул.

– Вы что, уже успели проникнуться друг к другу нелюбовью?
– Да я его не видел ещё, – Илья махнул рукой. – Просто... бесит.
– Так, – Артур встал, – пошли. Я просто обязан взглянуть на это чудо, которое умудрилось вывести из себя связиста Илью Холмогорова, ни разу не попавшись ему на глаза.

– Значит, прохлаждаемся?

Молодой подводник, чернявый и смуглый, смотрел на него с неодобрением, сложив руки под грудью. Его высокая фигура в синей робе заслоняла собой дверной проём, из-за плеча выглядывала русоволосая голова.

Сашка заморгал, приподнялся на койке, машинально прижимая к груди одеяло.

– Ты смотри, – чернявый повернулся ко второму, – я его час в отсеке жду, а он тут десятый сон видит. Встать!

Гаркнул так, что у Сашки болезненно сжалось горло и он вскочил, вытянулся по струнке.

– Извините... товарищ офицер... а в чём дело? Мне никто ничего не говорил...

– Не говорил? – офицер поднял брови. – Да ты сам должен был прибежать ко мне, сверкая пятками. А почему? А потому, что в любой момент что-то случится – пожар, затопление отсека, выход из строя реактора – и что ты будешь делать, не пройдя инструктаж по борьбе за живучесть? Переминаясь с ноги на ногу все пять секунд, которые тебе остались?

Сашка сглотнул.

– Я слышал, что подводные лодки этого проекта надёжны, – тихо, твёрдо произнёс он, не отводя взгляда от злых глаз офицера. – И что на «Белуге» опытнейшая команда.

Морщины на смуглом лбу разгладились, офицер вдруг улыбнулся – совершенно по-человечески.

– Правда. Но готовым надо быть ко всему, не забывай. Артур Караян, – он протянул Сашке шершавую тёплую руку, – командир дивизиона живучести. Отвечаю за то, чтобы из ста пятидесяти человек, выбравшихся в море на этой скорлупке, домой вернулись все сто пятьдесят.

– И за то, чтобы гальюн вовремя продували, – подал голос парень за его спиной. Артур сердито обернулся:

– А тебя никто не спрашивал. Связист на подлодке – это вообще ошибка природы, тупиковая ветвь эволюции. Ох и не повезло тебе, Вершинин, с соседом, – он повернулся к Сашке, подталкивая второго вперёд, и тот возмущённо обернулся:

– Это мне с ним не повезло! Я думал, ты мне pomoжешь его как-нибудь по-тихому извести.

– Видал, Вершинин, как у нас обращаются с журналистами? Знакомся: Илья Холмогоров, связист, лентяй, душителъ свободной прессы. Но ты его не бойся, в душе-то он добрейшее создание. Бойся меня, – он вновь сложил руки, – я из тебя все кишки выну и на буй-выюшку намотаю. Давай, одевайся, – он кинул на кровать пакет. – Бери с собой пэдэашку и дуй ко мне в девятый отсек. Чего до ужина ждать – начнём прямо сейчас делать из тебя подводника.

– Ладно, – Сашка с сомнением покосился на пакет. – А пэдэашка – это что?

– Портативный дыхательный аппарат, – Артур наклонился, рванул пакет, извлёк оттуда красную коробочку на ремне – такую же, какая висела на бедре у него самого. – Вот он, – приоткрыл, изнутри торчал длинный хобот. – Без него из каюты ни ногой.

– Да без толку, – Илья закинул ногу на перекладину, влез наверх. – Он хорошо если к концу автономки им пользоваться научится.

– Почему вы так думаете? – тихо спросил Сашка. В горле заскреблась обида.

– Да потому что на тебя один раз посмотришь – сразу всё понятно, – Илья вытянул ноги, повернулся на бок к нему спиной. – Будешь выходить – дверью не хлопай, я сплю.

Ладонь Артура ощутимо пихнула Сашку в спину.

– Ещё не родился такой debil, которого я не мог бы научить включаться в дыхательный аппарат. Так что меньше слушай этого соню и больше занимайся делом. Сам доберёшься до отсека или мне над тобой стоять, как насадке?

– Нет-нет, – Сашка поспешно потянулся за пакетом, вытряхнул на койку синюю робу из плотной ткани, такие же штаны, прорезиненные тапки. – Сейчас переоденусь и приду.

– Давай.

Аргур повернулся и вышел.

Сашка сел на койку, обхватил голову ладонями. В висках стучало.

– Ну как? – сонно, сипло донеслось сверху. – Дошло, что это тебе не прогулочка по Неве на катере? Надумаешь плакать – отсек не затопи.

Сашка промолчал. Посидел ещё немного, бросил быстрый взгляд вверх и принялся торопливо стаскивать пижамную рубашку.

Лучше не задерживаться.

Глава 4

– Огурец, говоришь?

Доктор, долговязый паренёк с тонкой длинной шеей, поглядывал на Пашу Карцева с видом мудрого аксакала, тонкой струйкой наливая прозрачную жидкость из банки в стакан. На лодку его прислали меньше месяца назад, это была его первая автономка, но экономить спирт он уже научился, как научился гонять матросов из трюма к себе в лазарет и обратно с ящиками, не кашлять в курилке, насквозь пропитанной копотью, и отзывать «так точно!» в ответ на любое слово начальства. Паша доктора уважал – и к кому, как не к нему, было прийти с тяжестью в голове и на душе?

– Значит, огурец, – повторил доктор, поставил стакан перед Пашей. Тот жажнул его одним махом, жадно глотнул воздуха – внутренности обожгло, в висках застучало гульче. – И что ты с ним делал?

– В том-то и дело, Гриш, – Паша придвинулся к столу, – я его резал. Взял нож и вспорол ему бок – от сих до сих, – он рубанул рукой, и доктор осторожно отодвинул от него банку. – И хотел его есть, посыпал солью. Тут сигнал на вахту подали – я и проснулся.

– Ну, прекрасно, – доктор закинул ногу на ногу, плеснул себе. – Чего ты всполошился-то? Не успел во сне похрустеть огурцом и теперь страдаешь?

Паша помотал головой.

– Гриш, ты не понял, – он положил локоть на стол. – Что, если это был не огурец? То есть огурец, конечно, но значил он совсем другое.

– Да наверняка, – отозвался доктор. – Ты Фрейда почитай, там тебе будет и про огурец, и про банан, и про всякую прочую колбасу. Это нормально, Паш, – он хлопнул Пашу по плечу. – В автономке и не такое может сниться.

– Да нет же, – буркнул Паша, – ты вообще куда-то не туда сворачиваешь. Огурец – он же похож на нашу лодку!

– А, ну да. На неё тоже.

– И я ей во сне вроде как брюхо вспорол. Понимаешь? Так-то сон – это ерунда, конечно, – он запустил пятерню в волосы на затылке. – Но вдруг я и вправду где-нибудь накосячу и из-за меня мы все в жопу угодим?

Доктор хмыкнул себе под нос.

– Слушай, Карцев, – он выпрямился на стуле, – я, конечно, понимаю, что у вас, механиков, самомнение до небес. Но поверь мне, вспороть лодку от носа до кормы у тебя не выйдет, что бы ты там ни наворочал.

Паша беззвучно вздохнул.

– Так необязательно ж от носа до кормы, – вздохнул он. – Лодка – с ней нежно надо, аккуратно, чтобы не вздрогнула лишней раз. А у нас столько народу без мозгов – никак не могут это понять. Вон, иду с вахты, мне замполит навстречу – из четвертого отсека. Переборку за собой закрывает – херак! Скрежет на весь отсек.

Доктор иронически покачал головой.

– Какая беспардонность.

– Я ему вежливо так: «Товарищ заместитель командира по воспитательной работе, вы бы чуть-чуть поаккуратнее. Нам ещё три месяца в море болтаться». А он – подбородок задрал, глаза сверкают: «Да ты... да я... как ты со старшим по званию разговариваешь...»

– Ну и правильно, – доктор пожал плечами. – Это ж замполит, что толку его переучивать.

– Конечно, все думают, что железу без разницы, ебашь его как хочешь, – Паша сердито шмыгнул носом. – А потом удивляются, почему корабли всё время ремонта требуют. Гриш,

дай мне, что ли, каких-нибудь капель для носа. Ивашов мне свои давал, да что-то ни хрена не помогают.

– А что у тебя – сопли текут? Или нос не дышит?

– Не дышит, – Паша шмыгнул ещё раз.

– Ладно, – доктор привстал, полез в ящик, – сейчас что-нибудь найдём.

Дверь приоткрылась, и в лазарет заглянула светловолосая голова.

– Драсьте, – прошелестело тихонько, – а можно мне давление померить?

– Клапаны срывает? – гоготнул Паша. Доктор выпрямился, глянул на него осуждающе.

Повернулся к гостю:

– Садитесь... Александр Дмитриевич, да? Какие жалобы: слабость, голова кружится?

– Есть немного, – журналист вымученно улыбнулся, опускаясь на койку. – Мы отработывали надевание спасательного гидрокостюма с командиром дивизиона живучести. На время, – он приложил ладонь ко лбу. Пальцы подрагивали.

– Да, Артур может, – хмыкнул Паша. – В норматив, конечно, не укладываешься?

Журналист передёрнул узкими плечами:

– Да я вообще не представляю, как это чудище можно на себя надеть за пять минут! Вот честно, – отчаянный взгляд скользнул с Паши на доктора, – у кого-нибудь получается?

Они переглянулись, и доктор печально развёл руками.

– Пять минут – ни у кого на корабле нет такого времени. Полторы, максимум две. Давайте руку, – он разложил на столе тонометр. – Посмотрим, что Артур умудрился сделать с вашим организмом.

– Гриш, я тогда пойду? – Паша привстал. Доктор махнул рукой:

– погоди, я щас.

«Груша» зашипела, липучка зашуршала, натягиваясь. Журналист сидел неподвижно, лишний раз опасаясь вдохнуть. Наконец доктор вынул трубки из ушей, поморщился:

– Сто двадцать на семьдесят.

– То есть всё в порядке? – на бледных губах дрогнула робкая улыбка. – Я, честно говоря, боялся...

«Те, кто боится, дома сидят», – явственно прочитал Паша во взгляде доктора. Но доктор, надо отдать ему должное, не забывал о своей клятве Гиппократу и промолчал. Кремень. Он, Паша, наверное, не сдержался бы.

– Александр Дмитриевич, – вежливо произнёс доктор, – если у вас всё, вы можете пойти к себе и отдохнуть.

Журналист растерянно взглянул на него:

– Извините... у вас, наверное, пациенты, я вам мешаю?

– Да нет, никого, кроме вот этого бедолаги, – доктор с усмешкой кивнул на Пашу. – Мне нужно в кают-компанию. Это мой первый поход, так что нас с ребятами должны посвятить в подводники.

– Вот как? – гладкая, ровная шея вздрогнула. – И вам заранее сказали, когда вас будут посвящать?

– Ну да, старпом ещё с утра всем объявил.

– Понятно, – журналист нахмурился. – Ну... удачи.

Он вышел, аккуратно прикрыв дверь, и Паша с нетерпением повернулся к доктору:

– Ну, капли-то где?

На третьи сутки веки уже наливались свинцом, спина делалась ватной и тяжёлой, стоило посидеть в одной позе несколько минут. Хотелось спать.

Судя по красным глазам матросов, им хотелось спать ничуть не меньше, но они стояли, подтянувшись, и с любопытством косились на плафон в его руках. Плафон был полон воды, и ещё на столе стояла целая банка – чтобы хватило всем: троим матросам, доктору и ракетчику.

Кочетов прочистил горло. Он говорил негромко, но, как всегда, чувствовал, что его слушают.

– Товарищи подводники! Поздравляю вас с первым погружением. Хлебнув воды из глубины, вы сразу прочувствуете, что жизнь у нас несладкая. Но раз уж вы почему-то выбрали её – желаю вам отдать ей всё, что только в ваших силах, и получить от неё всё, что только можете. И главное – пусть количество ваших погружений будет равно количеству всплытий!

– Ура! – первым гаркнул старпом, и возгласы эхом раскатились по кают-компани.

Замполит Константин Иванович с пухлой красной папкой в руках колом выкатился вперёд:

– Товарищи! Наша великая Родина возложила на вас огромную ответственность, огромное доверие...

Кочетов качнул головой, глядя в круглое розовое лицо. Замполит, пересекшись с ним взглядом, сник на полуслове. Скороговоркой закончил:

– И ваша задача – не подвести её.

Так-то. Договаривались же: на посвящении – никаких речей о боевом духе, моральном облике и международном положении. Пусть потом хоть по три часа всех мурыжит на собраниях, но сегодня обойдёмся.

Кочетов подошёл к первому матросу, протянул ему на вытянутых руках плафон. Тот осторожно принял, поднёс ко рту. От резких глотков на шее заходил ходуном кадык.

Как же его... Свистунов, да. Трюмный.

Он вернул Кочетову опустевший плафон, поёжился:

– Холодная, бля... ой, виноват, тащ командир! – вытянулся, прижал руки к бокам.

Кочетов улыбнулся.

– Конечно, холодная. А вы думали, матрос, мы тут в тепле задницу греем?

По рядам пронёсся негромкий смех. Старпом уже наливал воды следующему.

Рядовые пили почти залпом, и доктор Агеев от них не отставал, ракетчик вот замешкался, подождал, переводя дыхание. Казалось, он вовсе хотел поставить плафон на стол, но под взглядами Кочетова и старпома допил своё до конца.

Забрав у него плафон, Кочетов уже хотел поблагодарить всех и отпустить – и наконец идти спать, у него сейчас веки слипнутся и он заснёт прямо стоя перед строем – но перед ним мелькнула фигурка в штатской белой рубашке:

– Товарищ командир, а я?

Огромные глаза распахнуты, скулы белые. Куда тебе в подводники, тебе в школу на линейку...

– Палыч, – Кочетов повернулся к старпому. – Налей.

Тот наклонил банку, но рука замерла:

– Роман Кириллыч, а гражданскому разве положено?

– Палыч, – Кочетов вздохнул, – на этой подводной лодке я решаю, что и кому положено.

И если я говорю «налей»...

– Готово, тащ командир.

Кочетов взял плафон, опустил его в подставленные руки журналиста.

– Ну, пейте.

Тот наклонил пушистую светловолосую голову, с усилием поднёс плафон ко рту.

Горько так, что жжёт горло. Щиплет в носу, в глазах, кажется, он вот-вот чихнёт, но от холода всё внутри сжимает спазмом. Глотнуть удаётся с трудом. Вот сейчас подавится, закаш-

ляется, и все они засмеются. Все будут смотреть на него, как... как, собственно, они уже смотрят, только особо не показывают. Чужой, ненужный, слабый... да какое ему, собственно, дело, что о нём думают эти солдафоны? Плавание закончится, он вернётся в Питер, плюнет и разотрёт, они так и останутся гнить на Севере, а он... а он... Господи, что ж так щиплет в глазах, и слёзы текут, он захлёбывается морской водой вперемешку со своими слезами –

– как он сидел в углу спортзала, уткнувшись в свои колени, и плакал, потому что все побежали по домам, он остался один, а дома пахло потом и спиртом, на градуснике было тридцать девять и пять, в ящичке валялось пятнадцать рублей – даже на аспирин не хватит –

– он слизал капли из уголка губ и поставил плафон на стол.

Синие глаза командира Кочетова отстранённо рассматривали его лицо.

– Молодец, журналист, – уголки тёмных губ приподнялись. – Вот, считай, ты и подводник.

– Спасибо, – Сашка наклонил голову. Только сейчас почувствовал, как взмокли лоб и шея.

Кочетов повернулся, окинул взглядом экипаж.

– Поздравляю всех. Свободны, разойтись.

Неторопливой размашистой походкой он направился к выходу. Занятно: других военная форма стройнит, самым угрюмым лицам дарит капельку обаяния – вон хоть на старпома гляньте – а командиру она не то что бы не к лицу, но смотрится на нём странно. Фигура кажется долговязой, ноги – неестественно длинными. Того и гляди переломится. Вот в будничной робе, в мятых штанах он весь – гибкость и сила, сжатая пружина.

В желудке заскребло, Сашка поморщился, отошёл к стене. Ничего, пройдёт. От морской воды ничего плохого не будет. Можно, конечно, к доктору зайти, попросить таблетку от изжоги, но после сегодняшнего как-то не хотелось.

Дома он бы заварил чаю с ромашкой, забрался под плед с недочитанным «Окончательным диагнозом». Эх, зря не взял с собой, интересно же, кто победит, молодой врач или старый, и что там с ребёнком, и как они будут разбираться с анализами...

– Александр Дмитриевич! – замполит требовательно смотрел на него снизу вверх. – Вы мне нужны.

– Нужен? – Сашка машинально улыбнулся.

– Кто-то же должен рисовать боевой листок корабля. Но к кому я ни обращусь – все заняты, и матросов мне выделить отказываются! Нам с вами, Александр Дмитриевич, придётся заняться патриотическим воспитанием личного состава.

Ну, в конце концов, почему бы и нет? Всё лучше, чем сидеть без дела одному – или чем потеть в гидрокостюме под бешеным взглядом командира дивизиона живучести Караяна.

– Вы как никто другой, конечно, знаете о важности воспитания в матросах и офицерах высокой воинской культуры, – разливался замполит. – Наверняка ваш дядя, адмирал Станислав Андреевич Вершинин, рассказывал вам, как ему удавалось вдохновить, повести за собой бойцов несколькими точно подобранными словами о Родине, о подвиге, об отваге.

Мда. Судя по дядиным рассказам и умолчаниям, эти «точно подобранные слова» были сплошь однокоренными к известному слову из трёх букв, и про подвиги в них ничего не было. Но ведь вдохновляли же!

– Хорошо, что вы пришли на флот, Александр Дмитриевич. Журналистика – благородное призвание, но собственную кровь не обманешь, правда? И потом, настоящий мужчина должен быть так или иначе связан с армией, защищать свою страну. Я не удивлюсь, если после нашего похода вы пойдёте в военно-морское училище, чтобы вернуться к нам уже настоящим офицером.

После похода он выберется на твёрдую землю, встанет на четвереньки, чтобы уж точно не качало и не бросало из стороны в сторону, и поползёт как можно дальше от моря. А потом раскинет руки, ляжет и будет лежать, глядя в небо.

Ну а уж когда отлежится – поедет домой, к своим, серьёзные разговоры разговаривать. В глаза им посмотреть. Вот как одному хватило совести засунуть его сюда, а другому – глазами хлопнуть и не препятствовать?

– А вы настоящий мужчина, Александр Дмитриевич, и с военной косточкой, я сразу это разглядел...

Ой, всё.

Глава 5

Аккуратно прикрыв за собой дверь, Сашка поправил футболку, завернувшуюся под робой, и зашагал назад, к себе в каюту. Гальюн был одним из немногих мест на корабле, куда он худо-бедно помнил дорогу и не нуждался в том, чтобы расспрашивать встреченных матросов. Правда, пользоваться затейливой системой до сих пор было непривычно – перед тем, как Сашка нажимал на смыв, у него внутри всё замирало так, словно это была кнопка пуска ядерной ракеты. Ну да что ж, увидеть это никто не мог, значит, и стесняться не было смысла.

Во рту сохло. То ли что-то химичили с температурой в отсеке, то ли Сашкин организм так реагировал на глубину, но ему весь вечер было жарко и очень хотелось пить. Ничего, в каюте осталась бутылка минералки, стоит на тумбочке. Нагрелась, но оно и к лучшему, от холодной может разболеться горло.

Сашка обвёл языком сухие губы, втянул ноздрями промасленный воздух. На ходу растянул верхнюю пуговицу рубы. Сейчас попьёт, упадёт на кровать – и спать до завтрака. А за завтраком можно будет спросить у механиков, хоть у того же Карцева, с чего такое потепление.

Он потянул дверь на себя и остановился на пороге: на его койке сидели двое, и чья-то рука деловито лила в стакан его минералку.

Сашка прочистил горло. Оба повернулись к нему – чернявый Артур, пытавший Сашку гидрокостюмом и дыхательным аппаратом, и незнакомый светловолосый парень.

– О, привет, – Артур невозмутимо взглянул на него. – У нас соседи с вахты сменились, спят, а Илья застучал только. Мы пока у вас посидим, не возражаешь?

Сашка поколебался. Просьба отдавала нестерпимым нахальством – с другой стороны, ругаться не хотелось. Хотелось поговорить хоть с кем-нибудь.

– Я не против, – он выдал из себя усмешку, – особенно если вы мне раздобудете минералку. Мою вы, похоже, оприходовали.

– Так это твоя была? – Артур подбросил пустую бутылку в руке, покосился на своего приятеля:

– А ты пиздил, что Ильи.

– Ну, тумбочки перепутал, с кем не бывает? – Светловолосый привстал, протянул Сашке руку:

– Ивашов Лёха.

– Химик, кстати говоря, – хмыкнул Артур. – Щас он тебе мигом волшебный напиток нахимичит – лучше всякой минералки.

– Не нужно, – вздохнул Сашка, пожимая сухую ладонь. – Вершинин, Саша.

– Что значит «не нужно»? – Артур поднял густые брови. – Даже не выпьешь шила с нами?

У Сашки в голове затрепыхались основательно подзабытые дядины рассказы. «Шило» в них точно упоминалось... вот только что это было такое? Кажется, что-то даже хлеще водки – и моряки эту загадочную крепкую субстанцию глушили по любому поводу...

А, без разницы.

– С удовольствием с вами посижу, – он опустился на койку с краю, рядом с Артуром. – Но пить не буду, я вообще не пью.

Лёха прищёлкнул языком.

– Может, ещё и не куришь? Матом не ругаешься?

– А что смешного? – Сашка поднял подбородок. – Да, не курю, и не ругаюсь... почти.

– Вот это правильно! – тяжёлая ладонь Артура хлопнула его по плечу с размаху. – У нас на флоте матом не ругаются. У нас матом, блядь, разговаривают. А пить никто и не собирается – по глотку, и баста. Напиваться в автономке – со смертью шутить. Лёха, – он пихнул приятеля

в бок, – сгоняй в свою каюту, принеси минералки. Сашкину мы в дело пустили, надо же ему возместить.

– Понял, – Лёха улыбнулся уголком рта, вышел. Артур подвинулся к стенке, вытягивая ноги.

– Хорошо у вас тут, – волосатый локоть расслабленно лёг на тумбочку, и Сашка потянулся отодвинуть стеклянную рамку, оказавшуюся в опасной близости от этого локтя. – Не бойсь, не задену. Дай посмотреть-то.

Беззвучно вздохнув, Сашка протянул ему фотографию.

Смуглые пальцы скользнули по стеклянному ободку, Артур бережно подставил вторую ладонь. Полные губы тронула мечтательная улыбка:

– Класс. Это сколько тебе тут, лет десять?

– Ага, первый раз на рыбалке, – Сашка улыбнулся в ответ. – Дядя Слава нас с Алькой учил.

– А, вон он, вижу, с шампуром, – Артур хмыкнул. – Ишь ты, а говорят, адмиралы на свет появляются сразу с сединой и орденами.

– Возле камышей, видишь, удочку сматывает – Алька. Никак не могла научиться подсе-
кать – а потом больше меня наловила!

– Сестра твоя?

– Ага, мы двойняшки.

– Жёлтенькие, как одуванчики, – засмеялся Артур. – И штаны на коленях оба порвали, ты глянь. От мамки-то влетело потом?

– Нет.

Артур поднял взгляд – карие глаза смотрели мягко, цепко. Помедлив, он протянул Сашке фотографию.

Сашка машинально опустил её на тумбочку, придержал ладонью.

– Мы у дяди Славы жили. Мама в Малаховке осталась.

Покосился на Артура – тот кивнул, показывая, что слушает.

– Он раньше на Севере служил, писал маме иногда. Она нам пару раз фотки показывала: вот это ваш отец, а вот его брат – Слава, военный моряк. Потом его в Питер перевели – и он сразу к нам. Стоит в дверях, худой, белый – автономка была на четыре месяца, он уж потом нам рассказывал. А у нас еды – сухари на газете и блок жвачки, я её у одноклассника выменял на кепку.

– Херово, – протянул Артур. – А что мама? Употребляла?

Сашка махнул рукой.

– Дядя нас с Алькой сразу бегом одевать – и к себе в гостиницу. А там тепло, чисто, суп нам принесли и бутерброды... Я в ванне два часа просидел – забыл уже, что это такое.

Пальцы стукнули по колену.

– Дядя нас вытащил. Мама потом на суд приходила, плакала. Шоколадки нам привозила, плюшевого слона как-то притащила в полкомнаты.

– Любила, значит, – Артур кивнул. – Но одна только любовь – от неё ни хуя толку нет.

Сашка пожал плечами.

– Мы всё равно по маме скучали. Один раз перед Новым годом...

– Вот и я, – Лёха нырнул в каюту, дверь стукнула. – Насилу нашёл!

Он потряс пластиковой бутылкой, почти до горлышка полной. Артур откинулся спиной на Сашкину подушку, расплылся в улыбке:

– Давай, наливай. Что, Вершинин, по минералке – или всё-таки с нами шила дёрнешь? Подумай: второй раз предлагать не будем.

– Минералку, – Сашка подвинулся, давая Лёхе сесть.

И пить-то, похоже, не приходится, чтобы в откровенности пускаться. Вот кто его за язык тянул?

С другой стороны, Артур вроде и неплохой парень, про него не скажешь, что он готов тебя подставить. Всё равно с этими ребятами три месяца в море болтаться. Может, поучиться им доверять – не такая уж плохая идея?

– Как знаешь, – Лёха сунул ему стакан, взял с тумбочки свой. – Ну, за Северный флот!

Стаканы звякнули. Сашка поднёс стакан ко рту, глотнул на автомате – в мозгу уже звенело: «нет! не то!» – и глотку запалило, выжгло, из глаз брызнули слёзы. Он задыхался, кашлял, прижимал руки к груди, мутный взгляд шарил по каюте – воды, ради бога, воды!

– Молодёжь, – Артур причмокнул губами. – А ведь предлагали ему шила, сам отказался. Думал, он умнее старших товарищей. Ну кто же пьёт спирт насухую? Эх ты, минога...

Сашка двинул бы ему в морду, если бы руки не тряслись так, если бы перед глазами всё не плыло. Вскочив, он шатнулся, шарахнул кулаком по тумбочке и выскочил в коридор.

Воды! Кто-нибудь, пожалуйста!

– Скорость пятнадцать узлов. Погружаться на глубину восемьдесят метров с дифферен- том... – Кочетов закашлялся, поднёс кулак ко рту, – четыре градуса на нос.

– Есть скорость пятнадцать узлов, погружаться на глубину восемьдесят метров с диффе- рентом четыре градуса на нос, – эхом отозвался рулевой.

В глотке скребло. Кочетов старался дышать глубоко, размеренно и видел по торчащему затылку механика, по его розовой напряжённой шее, что ему хочется обернуться и спросить, всё ли в порядке.

Простыл, наверное, на мостике, когда из базы уходили. Как-то по-дурацки привязалась эта хворь, совершенно не вовремя – ещё и подчинённые замечают, отвлекаются.

Ничего. Стакан шила, а потом ноги растереть – и под одеяло. Сразу как рукой снимет. Где бы только время выкроить для лечения?

– Глубина восемьдесят метров. Отсеки осмотрены – замечаний нет.

Кочетов потянулся к «Каштану»:

– Акустик, что у вас?

– Чисто, тащ командир, целей не обнаружено.

– Хорошо.

Кочетов помолчал, обдумывая вводную. В дивизии, помимо всего прочего, от него ждут энного количества учебных тревог по пожарам, затоплениям, утечке радиации и прочей херне, которая только может случиться на атомной подводной лодке. Не то что бы он считал, что автономка – подходящее время для игр, но лучше уж заняться ими сейчас, пока до противо- лодочного рубежа ещё далеко и чужих субмарин в квадрате не замечено.

– Ну, Сергей Петрович, – он повернулся к вахтенному, – чем займёмся? Пробоина в корпусе? Пожар в первом отсеке?

– Чего уж сразу в торпедном, – вахтенный крикнул, – можно бы что-нибудь полегче. Ребятам бы хоть немного расслабиться.

– Расслабиться? – Кочетов поднял брови. – На моей лодке?

Он рывком потянулся к «Каштану»:

– Внимание всем – учебно-боевая тревога. Возгорание в первом отсеке.

Вахтенный, обреченно подняв глаза к подволоку, щёлкнул тумблером, включая аварий- ный сигнал. Три коротких звонка ударили по ушам, заревела сирена.

Кочетов откинулся на спинку кресла, прикрыл глаза.

Сейчас можно было бы оставить пост на вахтенного – и в каюту, хоть на полчаса. Если и без растираний, то хоть внутрь принять.

Нет – сначала доиграть учебную тревогу до логического завершения. Обязательно что-то случается именно в тот момент, когда ты дал себе право отдохнуть лишний раз.

И хватит уже кашлять.

Борецкого, вон, списывают на пенсию по здоровью. Щитовидка. Выясняют теперь, где он умудрился лишнюю дозу радиации хватануть.

А тебя ещё на пару автономок хватит, это уж наверняка. А потом... ну что потом? Адмирала тебе вряд ли дадут, тем более после той истории с учениями – у начштаба флота до сих пор небось глаз дёргается при воспоминании.

Разве что в Москве адмирал Вершинин расчувствуется оттого, что ты его племянника целым и невредимым из-под полярных льдов вернул (дай-то Бог!) и решит, что ты как никто достоин командовать дивизией.

Ладно, оно и так неплохо: капитан первого ранга, командир подлодки – лучшей лодки в дивизии, лучшей во флотилии. Да на всём Северном флоте такой, как «Белуга», не найти!

Все учебные стрельбы – как по книжке. Шестнадцать автономок. И все живы, вот что важнее всего.

А спишут тебя на берег – и пойдёшь с чемоданом. И идти-то не к кому, все порастерялись, поразъехались, всех проглотила лодка.

Значит, в школу устраиваться охранником. Или учителем ОБЖ. Ну-ка, дети, сегодня я расскажу вам, как выжить там, где рыбыдохнут. Всё просто, на самом деле: ни одна рыба не в состоянии так сильно хотеть жить, как мы с вами. Ведь за тем я, на самом деле, к вам и пришёл – попытаться научить вас любить жизнь, а если вы будете её любить, вы уж точно сделаете всё, чтобы сохранить её... и чтобы долго и счастливо...

– Тащ командир, учебное возгорание потушено, – захрипел «Каштан». – Время – две минуты тридцать две секунды.

Кочетов мотнул головой, стряхивая дрёму, выпрямился в кресле.

– Сойдёт. Потери?

– Рядовой Ольховский условно отравлен: с запозданием включился в ПДА.

Кочетов поморщился.

– Условно выебите рядового Ольховского. Чтоб в следующий раз включался быстрее, чем вы успеете произнести слово «хуй».

– Так точно, тащ командир!

На том конце помялись и смущённо добавили:

– Старшина второй статьи Ляшко ушиб лоб. Фактически.

– С чем вас, блядь, и поздравляю, – процедил Кочетов. – Сотрясения хоть нет? Доктор его уже осматривал?

Стукнув в дверь и не дожидаясь ответа, Паша шагнул в лазарет.

– Гриш, слушай, а ты за обедом сегодня пробу снимал?

Постоял, осматриваясь: доктора не было. На табурете у стола, зябко сгорбившись, сидел журналист.

– Что-то ты сюда зачастил, – фыркнул Паша. – Не в курсе, где доктор?

Обойдя стол, он плюхнулся прямо в кресло врача – удобное, мягкое, не то что койки. Журналист поднял белесые брови.

– Кто-то из матросов ушибся, – прошелестел тихонько. – Григорий Иванович не стал будить фельдшера, сам пошёл смотреть.

– Добрая душа, – Паша потянул забитым носом. – А ты чего здесь?

– Проверял, нет ли ожога гортани, – так же тихо отозвался журналист. – Обошлось. Мне обещали полоскания выписать.

– Ожог гортани? – Паша прищурился. – Ты что, реакторные стержни глотал?

Журналист устало взглянул на него.

– Случайно выпил спирта вместо минералки.

У Паши вырвался смешок.

Случайно, как же. Сто лет в обед этой шутке – но ведь работает!

– А что смешного, Павел? – у журналиста голос прорезался, завибрировал. – Человек не ждёт подвоха и ошибается – ну просто верх юмора, живот можно надорвать.

– Да ладно, весело же! – Паша придвинулся ближе к нему, заговорщически наклонился через стол:

– Кто тебя развёл-то, а?

– Да ну их, – журналист слабо усмехнулся, – сами всё расскажут. Как же не похвастаться таким подвигом.

Поморщившись, он приложил руку к шее, потёр её пальцами, словно пытаясь унять резь в горле.

– Секунду. Что это у вас – нафтизин?

Свободная рука указала на белый пузырёк в Пашиной ладони. Паша повертел пузырёк, прочёл название.

– Ну да.

– Это вам врач дал?

– Да нет, я у Ивашова взял... Только помогает ненадолго, каждый час по новой пшикать. Белесые брови сдвинулись к переносице:

– Павел, этот препарат даже наверху нельзя капать так часто. А здесь его вообще надо выкинуть. Он сужает сосуды, изнашивает их. Вы что, хотите баротравму получить?

– И чем же лечиться, интересно?

– Доктор должен был дать вам разжижающие препараты, – тонкие пальцы сжались в замок на столе. – Лучше всего – раствор морской соли.

– Морской соли? – Паша уставился на него с неприязнью. – Может, мне за борт голову высунуть и нос промыть? Ещё и медика из себя строит, папарацци хренов.

Дверь открылась, вошёл хозяин лазарета – расслабленная походка, благодушный взгляд.

– Заседаем, академики? А я там в поте лица тружусь, раненых пользую.

– Здорово, Гриш, – Паша привстал, протянул ему руку. – Как матрос?

– Да цел. Что этому медному лбу сделается?

Скинув с плеча ремень пэдэашки, доктор бросил её на койку.

– И ну-ка, Паш, быстро оторвал свою жопу от моего командирского трона. Что стряслось, опять нос не дышит?

– Да я зашёл про котлеты спросить – показалось мне или правда пережарены, – Паша встал, обошёл стол. – А тут этот альбинос мне рассказывает, что в нос, видите ли, капать нельзя нафтизином.

– Почему нельзя? – Гриша плюхнулся в кресло, вытянул ноги. – Если насморк мешает заснуть, лучше капнуть на ночь, чем мучиться.

Журналист шевельнул губами:

– Каждый час.

– Каждый час? – негромко повторил доктор. – Паша, ты ёбнулся, что ли? Тебе русским, блядь, языком было сказано – перед сном.

Паша поморщился: уж наезда от доктора он точно не ждал.

– Гриш, да я уж сто лет этой штукой пшикаю. И ничего...

– Пашенька, солнышко, – доктор наклонил голову набок, – а баротравму носовых пазух кто тебе будет лечить? Уж не я ли? Так мне и без тебя тут есть с чем поебаться.

Откинувшись на спинку кресла, он приложил ладонь ко лбу жестом главнокомандующего, вконец измученного недоразвитыми подчинёнными.

– Дай-ка мне этот флакончик, – поманил пальцами. – Буду его тебе под запись выдавать, как химик выдаёт регенеративные патроны.

– Да ладно, – вздохнул Паша, – я ж понял, не дурак.

– Точно не дурак?

– Один раз на ночь, – Паша щёлкнул пальцами, – и всё.

Гриша качнул головой, улыбка блеснула белыми зубами.

– Ну смотри. Ксан Дмитрич, – повернулся к журналисту, молчаливо и внимательно наблюдавшему за происходящим, – а с вами у нас что? Точно: травки для полоскания. Смотрите, – взял ключ, полез в ящик, – по пакетику два раза в день... можно и три, это не нафтизин, а вы не Паша, значит, дров не наломаете...

Глава 6

– Разрешите?

Сашка поднял глаза от своей тарелки, где борща оставалось на доньшке. Перед ним стоял с подносом незнакомый офицер – кремовая рубашка с иголки, разглаженный воротничок, ровный пробор. Офицер улыбался: не той залихватской улыбкой с искрящим в глазах весельем – на грани то ли придури, то ли тоски, которую он часто видел у подводников и которая вызывала в нём смутную тревогу, не бессмысленной военно-строевой улыбкой, а спокойно, по-человечески.

– Садитесь, пожалуйста, – Сашка улыбнулся в ответ. Он ходил есть с первой сменой и уже различал в лицо большинство офицеров, наведывавшихся в кают-компанию вместе с ним, но эти правильные точёные черты, кажется, видел впервые. Он бы запомнил.

– Меня зовут Олег Максимович, можно просто – Олег, – офицер поставил перед собой тарелку борща, потянулся за ложкой. – Очень рад с вами познакомиться.

– Я тоже рад, – Сашка удивленно скользнул взглядом по погонам собеседника. Капитан второго ранга. Кто же он, командир боевой части? Какой? Вечно они у него в голове путались... – Я Саша.

– Как вам у нас, Саша, трудно? – Олег потянулся за солью, широкая белая кисть блеснула обручальным кольцом. Сашка пожал плечами:

– Стараюсь привыкать.

– Как ваше горло, не болит?

– А, это... – он махнул рукой. – Пустяки, давно прошло.

– Может, и пустяки, – Олег задумчиво покачал головой. – Но мелочи часто оказываются первыми шагами на пути к настоящим издевательствам. Если кто-то плохо обращается с вами, Саша, относится к вам без должного уважения, вам достаточно написать рапорт на имя командира. Или на моё имя – в Особый отдел. Мы немедленно примем меры и накажем виновного.

Сашка подпер щеку ладонью. Борщ кончился, пора было приниматься за котлеты, а слова Олега плохо укладывались в голове и мешали сосредоточиться на еде.

– Так ведь я и не питомец, чтобы со мной «обращаться», – он смущённо хмыкнул. – Я знал, куда я иду – на подводную лодку. И что мне надо будет играть по правилам, которые на ней приняты, тоже знал. Ничего плохого ведь не случилось, пошутили – и пошутили.

– С шуток всё обычно и начинается, – Олег удручённо покачал головой. – Хуже всего то, что люди молчат до последнего. Кто-то боится, кто-то не хочет беспокоить старших по званию, кто-то изо всех сил пытается сохранить лицо и надеется, что станет в коллективе своим, если выдержит все издевательства. Саша, – мягко, проникновенно сказал он, – не нужно стискивать зубы и терпеть. Тем более, вы гражданское лицо, ваш родственник – адмирал...

До Сашкиной спины будто кто-то дотронулся холодными сырыми лапками. Он выпрямился на стуле.

– А причём здесь мой дядя?

– Ни при чём, – Олег развёл руками, – я лишь подчёркиваю, что у вас есть все возможности для защиты. И Особый отдел всегда поддержит вас.

– А на меня кто-то нападает?

– Во всяком случае, шутка была опасной. Неразбавленный спирт мог повредить вам горло, пищеварительную систему. Вашим товарищам следовало подумать об этом.

Сашка молчал, вертел в ладони кусочек хлеба. Смотрел на Олега. На розовый, энергично жующий рот, на матово-гладкие щёки без тени бледности, на ясные синие глаза под тёмными бровями вразлёт.

Готов защитить. Цепко слушает, внимательно, не то что все – даже командир если с тобой и поговорит, то разве что на ходу, куда-то торопясь, кому-то отвечая...

Сашка положил хлеб.

– Каким товарищам? Я сам.

– Сами?

– Они похожи на вид. Спирт и минералка. Вот и взял не тот стакан.

Он взял вилку, нож, принялся резать котлету. Олег вздохнул.

– Понимаю. Я всё понимаю, Саша. Просто – помните, я всегда готов вас выслушать.

Так себе котлета. Не прожарили. А вот с борщом кок молодец, борщ удался на славу – разве что сметаны бы побольше.

Олег, впрочем, ел горячее с не меньшим аппетитом, чем первое. Ну настоящий образец чекистской стойкости и неприхотливости в быту, чтоб его.

– Илюха, не спишь?

Тёмный стриженный затылок приподнялся на верхней койке, и Артур обрадовано кивнул, прикрыл за собой дверь.

– Дай водички глотнуть, что ли. Нельзя, нельзя человека на подводной лодке заставлять столько говорить – я думал, у меня горло высохнет нахер.

Илья спустил ноги, соскочил вниз.

– Шас, где-то тут была, – нагнулся к тумбочке, принялся шарить. – А чего болтал-то? Я думал, болтать – дело замполита.

– Только замполита мне и не хватало, – Артур провёл рукой по взмокшим волосам. – Сначала всё утро до меня доёбываются, почему вода не греется. Пожрать не успел – беги исправляй. Ладно, лезем, разбираемся, крутим где надо. Вода наконец идёт горячая. Иду к себе, надеюсь поспать на боевом посту хоть полчаса – а мне Ляшко цветомузыку с лампочками устраивает. Знаешь Ляшко?

– Это который на учебной тревоге головой стукнулся?

– Он по жизни стукнутый, – вздохнул Артур. – Прикинь, на вахте закоротил автоматику – чтобы каждый час в отсек не спускаться, не проверять. Сидит и дрыхнет. А я смотрю – что-то я старые показания сбрасываю, а лампочка всё равно горит! У него десять раз в отсеке что-нибудь заискрит, а мы и знать не будем, пока жопа не накроет. Лампочка-то горит – отсек осмотрен!

– Вот долбоклой, – Илья подбросил в ладони бутылочку. – Пить-то будешь?

Артур забрал у него бутылку, жадно глотнул раз, другой, третий.

– Уф, – утерся ладонью. – Я его и в хвост, и в гриву, а он стоит, глазами лупает. Телёнок, бя, молочный.

– Командиру-то доложил?

Артур махнул рукой, поморщился:

– Сильней, чем я, командир его всё равно не выебет. Какой смысл тащить наверх дерьмо, которое можешь расхлебать сам?

Илья усмехнулся.

– Жалеешь ты их. А они тебя не пожалеют, вляпаешься по самые яйца.

Артур устало засмеялся. Возражать было лень.

– Журналист ещё этот, – он поднёс ладонь ко рту, зевнул. – Понаберут детей на флот... хосспади... – зевота так и не уходила, выворачивала рот, – а молока не завезут...

– А что журналист? – Илья покосился на него с любопытством. – Тупит?

– Да не сильно для гражданского, – Артур пожал плечами. – Просто я как представлю, сколько мне с ним ещё ебаться...

– А чего ебаться-то? Сказал тебе старпом научить его в ПДА включаться и гидрокостюм надевать. Научится – и гуд бай.

– На кой журналисту гидрокостюм, если он понятия не имеет, как выходить из лодки под водой? На кой ему ПДА, если он при пожаре от ужаса про него забудет? Когда я приду к старпому на доклад, он скажет мне учить его дальше. Да если и не скажет, всё равно придётся учить. А то размажет его случайно по переборке, вину на командира свалят – и на меня заодно.

Помолчав, Артур покосился на тумбочку журналиста, на коричневый томик стихов, заложенный карандашом.

– Где он, кстати, сейчас?

– К акустикам, кажется, пошёл. Или к штурману. Материал для статьи, наверное, собирает, – хмыкнул Илья. – Так-то он ничего, тихий. Сидит на коечке, что-то в блокноте корябает. Вопросами не доёбывает, не истерит. Я думал, будет хуже.

– Это ты его не видел, когда он спирта хлебнул, – хохотнул Артур. – Глазищи в пол-лица, руками машет... Чуть не посшибал тут всё.

– А ты его напои ещё чем-нибудь, хоть керосином, – глаза Ильи блеснули. – Глядишь, он побежит к командиру просить себе другого наставника по борьбе за живучесть.

«Каштан» со вздохом проснулся, щёлкнул и заголосил:

– Комдива-три – в четвёртый отсек.

Артур вскочил, пэдэашка больно хлопнула по бедру – он потёр его ладонью.

– Ну вот опять. Ни сна, ни отдыха измученной душе!

– Поэтично. Откуда это? – поинтересовался Илья, с довольным вздохом вытягиваясь на журналистской койке.

– А хуй знает. Давай, побежал я.

Через двести миль сбавим ход и будем ползти тихонько-тихонько. Вот здесь... да, вот здесь войдём в слой температурного скачка, здесь никто не услышит. А вот дальше нужно уходить вниз, очень круто вниз, на двести метров как минимум. И слушать море. Ждать.

Если в штабе флота с расчётами не ошиблись, ждать придётся недолго. Крейсер появится – сразу его засечём. Тут уж прицепимся, как рыба-прилипала, пойдём дышать ему в брюхо. Не почует. Ни за что не почует, если только их акустик не умеет слышать, как трава растёт.

Хотя, разумеется, с нашим-то везением именно такой нам и попадётся – единственный на весь натовский флот. И тогда охота начнётся уже на нас. Сядут на хвост, вцепятся – попробуй стряхни. Вот и прыгай с тридцати метров на триста, виляй кормой и надейся не опозориться перед командованием на старости лет.

Сорок пять, конечно, так себе старость, но когда в отсеках кислород на полпроцента падает, еле ноги таскаешь, как дед девяностолетний. И брюзжать тянет точно так же. Матросы слишком медленно шевелятся, старпом невыносимо громко смеётся, а замполит... одно слово, замполит. И ты молчишь, цедишь приказы как через сито: одно лишнее слово – и из тебя польются словесные помои. Потом датчики кислорода перестают аварийно мигать, ты дышишь, дышишь и думаешь: а чего ты, в самом деле, бесился?

А гражданский на борту – это и вовсе тысяча и один новый повод для гнева и ярости. Надо к химикам, что ли, сходить, предупредить их основательно: не дай бог кислорода окажется меньше, чем надо – он, командир, устроит им взрыв без всякого реактора.

– Тащ командир, прошу разрешения в центральный!

Матрос Колмаков вытянулся в дверях с дымящимся стаканом чая в руке. Из первогодков, месяца два назад на лодку попал – ишь, как голос звенит, весь подобрался, подбородок ввысь.

– Заходи, – Кочетов подвигал затекшими плечами, сводя лопатки. Прокашлялся в кулак. – Чай-то кому?

– Так вам, тащ командир, – матрос глянул на него удивлённо.

– Мне?

– Так точно. Старшина Палий приказ передал – он с вахты сменился и сразу сказал чаю вам принести...

Рука в промасленном рукаве протянула ему стакан, и он машинально взял его, поставил на пульт.

– Спасибо, боец, – Кочетов покосился на растерянного матроса, – свободен.

Он повернулся в кресле, разглядывая невинно-равнодушные лица подчинённых: все при деле, никто ничего не знает.

– Хотите, чтобы я потихоньку свихнулся? – осведомился Кочетов. В глотке вновь закололо, пришлось отхлебнуть из стакана и понизить голос. – Сначала я не помню, как распорядился насчёт чая, потом вы пускаете ракеты по Вашингтону и уверяете, что я приказал?

Старпом в своём кресле сердито крикнул.

– Лучше пей, Роман Кириллыч. Не умеешь сам о себе подумать – радуйся, что мы это делаем иногда. Ты к доктору хоть заходил?

– Пальч, – он поморщился, глотнул ещё, – какой доктор? Ещё на простуду время тратить.

– Тем более, пей, – старпом покачал лысеющей головой. – Простуда простуде рознь. Беречься надо.

– Ты кого цитируешь сейчас, свою жену?

– Моя Валя уж точно о здоровье знает побольше тебя, тащ командир. Знаешь, какой она мне бальзам настаивала с мятой, спиртом и мёдом? За полдня температура спала, я наутро бегом бежал на корабль – свежий, как младенец. Вот сейчас бы...

– Тащ командир, шум по пеленгу тридцать. Цель надводная, приближается.

Ага. Вот оно.

– Классификация?

– Десантно-транспортный корабль, предположительно типа «Фудре».

– Погружаемся на глубину сто, дифферент семь на нос, – Кочетов придвинулся ближе к пультам. – Приготовиться исполнить режим «Тишина».

Похоже, за эти полторы недели он настолько привык к ровному размеренному гулу за стенкой и под ногами, что теперь, когда гудение слышалось совсем негромко, чувствовал себя непривычно. Лодка затаила дыхание, лодка шла осторожно, и он словно ждал чего-то вместе с нею.

Карандаш с тихим шорохом скользил по бумаге. Сашка старался припомнить как можно явственней потемневшие доски пирса внизу, стеклянно-серую воду, наваливающийся прибой в лохматых гребнях бурунов, черную горбатую спину лодки. И сверху – клочья облаков, сквозь которые то просвечивают золотые блики, то вновь гаснут.

Это бы всё в цвете, конечно, но не потащишь с собой альбом и краски на подводную лодку. Ничего – вот вернётся, и можно будет повторить акварелью, положить лёгкие мазки там, где приходилось прорисовывать штрихами – а дальше вода всё сделает сама, растекаясь, смешивая тона, и море под бортом непременно получится того самого серо-чёрно-синего оттенка с металлическим отблеском, какой он помнит.

Ещё были чайки, видимо-невидимо чаек, они спускались почти к самой воде и взлетали резко, заворачивая на круг. Интересно, когда же лодка выйдет на поверхность и он снова сможет посмотреть на небо, на морскую гладь. По идее, им же надо запас воздуха пополнять, да?

Дверь открылась тихонько, вошёл Илья. Расстегнул робу, сбросил её, оставаясь в футболке. Подумав, стянул и её.

– Уф, упахался. Тебе в свитере-то не жарко, журналист?

– Если бы пришлось тяжело работать, наверняка снял бы, – он пожал плечами.

– Да на тебя как ни взглянешь, ты вечно во что-то кутаешься, – Илья поставил ногу на перекладину, запрыгнул наверх.

– Питерская привычка, наверное, – отозвался Сашка. – Я живу на набережной канала Грибоедова, там всё время ветры тебя сдувают.

– Питерская, ну да, – буркнул Илья. – Неженки. Про Гремиху слышал? Вот там сдувает так сдувает. Канаты протягивают между домами, вышел – хватайся, держись за него, не то унесёт.

– Мда, – протянул Сашка. Какие всё-таки дикие места бывают, и приходит же кому-то в голову посылать туда людей...

– Я там полтора года служил. Знаешь, как мы Гремиху зовём? – голова Ильи свесилась вниз. – Страна летающих собак. А всякие вроде тебя после Питера из свитеров не вылазят – куда страна катится...

Он снова лёг, завозился – сверху сполз краешек простыни. Сашка положил блокнот на тумбочку, буркнул, поворачиваясь набок:

– От свитеров стране хуже не станет.

– Может, и не станет, – Илья усмехнулся. – Кто-то же должен в офисах кофе пить и за компом щёлкать. Я только одного не пойму, Вершинин – нахера ты на лодку-то попёрся? Думаешь, ты хоть что-нибудь поймёшь про нас? Статью напишешь, грамотку получишь и подотрёшься? Или про статью – это просто пиздёж, и на самом деле тебя дядя-адмирал под воду запихнул, чтоб ты ему глаза не мозолил?

Сашку укололо злостью – и тут же волной прилило веселье. Он не пытался сдержать смех.

– Не поверишь – так и есть. Дядя меня к вам отправил перевоспитываться. Или автомкомка, сказал, или служба в армии по полной программе.

– Ого. Что ж ты такого натворил?

– Да ничего особенного, – Сашка пожал плечами, – тусовался, как все. Ну, травку пару раз курнул.

Илья снова наклонился к нему – теперь на его узком востроносом лице было написано любопытство.

– И как оно?

– Да никак... вата в голове, руки-ноги плохо слушаются. Время очень медленно течёт. Пока откроешь рот, зевнёшь, закроешь – кажется, час прошёл.

– И нахрена тогда на это деньги тратить? – фыркнул Илья. – Скажи Ивашову, он тебе углекислоты в отсек напустит – те же самые ощущения за бесплатно.

Дверь открылась, в каюту по плечи просунулся старпом.

– Хорош пиздеть, – процедил, едва разжимая губы. – Режим «Тишина» объявлен для кого? Ещё услышу с вашей сторону хоть звук – ЛОХ вам в глотки залью, попугаи, блядь, говорящие.

И вышел.

Илья комически округлил глаза, поднял их к подволоку. Потянулся было наверх, но Сашка зашептал:

– Илья, а ЛОХ – это что такое?

– Как огнетушитель, только надёжнее, – шепнул тот. – Связывает кислород, и огню нечем гореть, а человеку нечем дышать. Так что если вовремя не включился в ПДА, ты труп.

Сашка кивнул, забрался под одеяло.

Мягкий свет не мешал глазам, в тёплом коконе Сашка проваливался всё ниже, ниже в глубину. Золотистые отсветы ещё тлели где-то наверху, он уплывал от них, они делались всё слабее, слабее, а он погружался, и где-то внизу ждало его дно.

Он не открыл глаза, услышав сверху тихое:

– Всё-таки, Вершинин, зря ты не выбрал армию.

Глава 7

Миловидная брюнетка на кассе неспешно пробивала продукты, складывала в пакет. Вершинин чувствовал, что она поглядывает на него, на черную форму, на адмиральские погоны. Было приятно, что уж там скрывать.

– Да, Серёга, в пять, как договаривались, – он рассматривал пачки и бутылки в корзине, прикидывая, не нужно ли взять ещё чего-нибудь. Мобильник вздыхал и сипел в ухо – наверное, Серёга был в метро. – Я заеду за вами. Да, на пруд нет смысла, там комаров сейчас полно. Лучше ко мне. На веранде посидим, во дворе можно шашлыки пожарить. Чего-чего? Да конечно, кури на здоровье – кстати, чуть не забыл...

Сняв с подставки блок сигарет, он положил его в корзину к остальным покупкам, улыбнулся девушке. Мягкие губы тут же дрогнули в ответной улыбке, ресницы опустились. Эх, хороша. Пусть с семейной жизнью у него так ничего и не вышло, но вот женским вниманием он никогда не был обделён.

– Да помню я: Проспект мира, шесть. Ага, давай. Ане скажи, чтобы больно-то не командовала. Ишь, в автономку тебя отпускала, а как с друзьями посидеть – вечно у неё то давление, то огород... Да, до связи.

Девушка протянула ему пакет, кокетливо стрельнула глазами:

– Запасаетесь для плавания?

– Мда, если только по морям воспоминаний, – он рассеянно кивнул, достал кредитку. – Как всех собрать – вечная проблема, как будто на край света собираемся...

– А я думала, моряки всегда легки на подъём.

Аппарат зажужжал, она оторвала чек, протянула Вершинину.

– Спасибо за покупку, приходите к нам ещё!

Дежурная фраза в её устах прозвучала тепло, почти сердечно. Вершинин забрал пакет, хотел пошутить что-нибудь на тему моряков, готовых возвращаться к прекрасным дамам снова и снова, но взгляд скользнул по оконному стеклу и зацепился за шуплую фигуру в джинсах, спускающуюся по ступенькам напротив.

Да нет, здесь же ничего не разглядишь. Почудилось. Мало ли.

И всё-таки он торопливо перехватил пакет и, едва кивнув девушке, зашагал к дверям.

Вышел. Ветер сразу забрался под полы кителя, под ворот рубашки. Фигура, конечно, исчезла – свернула за угол, или спустилась в метро, или ещё куда делась. Бросаться в погоню за собственным воображением Вершинин не собирался. Но и игнорировать укол тревоги в солнечное сплетение было неразумно: если бы он не слушал свой внутренний голос, он успел бы за годы службы как минимум дважды испустить дух – геройски сражаясь с пожаром в реакторном или не очень геройски отравиться паштетом, присланным с береговой базы.

Мобильник тренькнул, Вершинин сунул ладонь в карман, вылавливая его.

На экране мигала смс-ка. Алька. «Ты звонил, дядь Слав? Я на семинаре в Доме художника. Что-то срочное?»

Срочного, конечно, ничего. Вершинин постоял-постоял, опустил мобильник обратно и энергично зашагал через дорогу, к синей вывеске «Анна-Турс», к нарисованному морю.

Артур глянул на секундомер в ладони, кивнул, и Сашка с облегчением стянул резиновый намордник, глотнул воздуха – настоящего, а не вязкой смеси, которую он с опаской цедил через трубку.

Волосы липли ко лбу, в груди тяжело стучало. Артур косился на него с ухмылкой.

– Четыре-пятьдесят восемь, ишь ты. Ладно, в пятиминутный норматив ты уложился. А значит, что? Значит, твоё увлекательнейшее погружение в науку борьбы за живучесть продол-

жается. Пока опять тишину не объявили – снимай костюм, готовься внимать моим наставлениям.

Сашка поморщился, скинул перчатки, потянулся к вороту комбинезона.

– А долго там ещё погружаться? Я надеялся, мы на этих одеваниях-раздеваниях закончим – хотя бы на сегодня.

– Зря надеялся, – хмыкнул Артур. – Тебе ещё наворачивать и наворачивать круги ада, и радуйся, что тебе, по крайней мере, попался такой Вергилий, как я. И он жертвует ради тебя, между прочим, часами спокойного сна и просмотром порнухи.

Сашка, выбирающийся из комбинезона, поднял голову. Смуглый оттенок кожи Артура не скрывал тёмных дуг, залегших под глазами, гладкие скулы за недели плавания ощутимо заострились.

– Спасибо, – Саша протянул ему костюм. – Правда, большое спасибо.

– Ладно, – тот лениво махнул рукой. – Лучше скажи, зачем мы вообще занимались этими плясками? Для чего тебе гидрокостюм?

– Ну... чтобы выйти из лодки, если под водой случится авария.

Артур кивнул, сложил руки под грудью.

– Итак. Предположим, что ты кое-как протиснулся через аварийный люк или, не приведи Господь, через торпедный аппарат. Ты ещё будешь заучивать алгоритм действий в обоих случаях – так, чтоб впечаталось в мозги. Так вот, если ты в этом самом гидрокостюме помчишься наверх, как пробка из бутылки шампанского, с тобой, возможно, всё будет в порядке.

Выдержав драматическую паузу, он наклонил голову набок:

– А возможно, твоя кровь запузырится, как шампанское в этой самой бутылке, и ты отдашь концы, ещё не добравшись до поверхности. Зависит от глубины, с которой ты будешь подниматься, и от того, как долго ты на этой глубине пробыл.

Артур неспешно прохаживался вдоль пультов, поблескивая глазами. Похоже, ему нравилось просвещать наивного парня с гражданки.

– Дело в том, что, когда ты дышишь в атмосфере высокого давления, в кровь поступает очень много азота. На глубине он безвреден, но когда ты начинаешь подъём, давление падает – и что, по-твоему, делает азот?

Без сомнения, Артур намеревался ответить на свой вопрос сам, но Сашка пожал плечами:

– Выделяется в кровь и превращается в пузырьки. Если они закупоривают крупные сосуды, человек может погибнуть.

Карие глаза недоверчиво прищурились. Сашка усмехнулся, разглядывая изменённые удивлением черты Артура, напряжённую складку у губ.

– Я курсовую писал по кессонной болезни, – легко сказал Сашка. – Так что можем обойтись без теории. Сэкономить полчаса сна и пару оргазмов.

– Нихера себе у вас курсовые, – Артур покачал головой. – Это где ж такому журналистов учат?

Ой.

Сашка быстро наклонился – вроде как поправить тапок на ноге, одёрнуть штанину. Только-только успокоившийся пульс вновь заколотился.

– Ну, я о дайверах писал, – он выпрямился, взглянул Артуру в глаза. – Заодно и про кессонку собрал материал.

Артур, помедлив, кивнул.

– Тогда пошли – покажу тебе, какие штуки мы используем, чтобы выходить, не рискуя подхватить кессонку.

Вершинин стоял под вывеской и курил. Повлажневшая ладонь крутила и мяла телефон – он уже отправил смс-ку, и вторую, и третью.

Он не очень хорошо помнил, что именно было в них.

Он ждал звонка. Знал, что звонок будет.

Или он обыщет весь Питер и вытащит этого... этого...

Пусть смотрит в глаза и отвечает. Хоть раз пусть не засыт.

Дождь уже начинал накрапывать, за ворот падали первые капли. Вершинин затушил сигарету, кинул её в урну, зашёл под козырёк.

Трам-там-там по карнизу.

Телефон ожил, завибрировал. Вершинин ткнул пальцем в кнопку, прижал его к уху.

– Алё? – голос тихий, напряжённый. – Дядь?

– Сашка! Сашка, твою –

Мать-мать-мать! – загремело каплями по карнизу, пульсом в ушах Вершинина.

– Ты какого... ты какого хуя, блядь, в Питере делаешь?

Мнётся. Сопит что-то.

– Мне с лодки докладывали, что ты на борту! – закричал Вершинин. Дождь ливанул, зашипел, даже под козырьком лицо обдавали брызги. – Кочетов не мог так меня наёбывать! Он бы не продался, даже если б ты ему свою квартиру отписал! С почкой, лёгким и анальной девственностью в придачу!

– Дядь Слав, – вздохнул Сашка в трубку. – Извини.

Вершинин помолчал, глотая холодный чистый воздух ливня. Постоял.

– Саш, – тихо сказал, устало, чувствуя, как ноют перетруженные связки. – Хватит игр. Это уже не розыгрыш. Ты кому-то отдал документы, так? Кому-то из своих больных на голову дружков. И не знаю, как, но этому человеку удалось попасть туда вместо тебя. Это очень серьёзно, Саш. Пострадать могут все – и он, и ты, и я.

– Дядь Слав, честное слово, на лодке ни один...

– Стоп, – выдохнул Вершинин, – это не для телефона. Приеду – поговорим.

Сглотнув, он добавил:

– Скажи только, кто.

– Дядь Слав, честное слово, я даже не предлагал, – забормотал Сашка. – Я только сказал, что мне там будет очень плохо, а она посмеялась и говорит, дескать, знаю, как тебя спасти...

Вершинин почувствовал, как ему в загривок впиваются тонкие острые иглы – одна за другой.

– Саша, – пропихнул он сквозь спазм в гортани. – Кто?

– Замечательно у вас выходит, Александр Дмитриевич.

Замполит наклонялся, заглядывал через плечо. Густо-серая тень от его головы ложилась на ватманский лист и тут же вновь уползала: он спохватывался, отступал на шаг. Ходил кругами, снова наклонялся:

– А акулу, может, побольше сделать? И позубастей?

Можно и позубастей, долго ли. Так-то хуже всего, когда со стороны пытаются влезть и рассказать тебе, каким должен быть твой рисунок. Но ведь эти плакатные лодки, катера, акулы – это всё ненастоящее, вроде как в школе на рисовании. Учительница подходила и говорила: вот здесь подтереть, а тут заштриховать. И надо было подтереть и заштриховать поскорее, пока не прозвенел звонок, потому что рисование было последним, а дядя ждать не любил, его резкий голос прокатывался по всему коридору: «Ну где ты там, а? Слышь, пацан, Альку позови!»

«Кого?»

Алькой её в школе никто не звал. Сашка да Сашка – а вот дядя путался и сердился: «Это ж надо было так назвать – Александр и Александра! А вам-то самим не стыдно надо мной шутить? Понятно же, что я шас зову не тебя, а того, кто окно разбил!»

Он пытался называть её Шуркой, но от этого имени она отказалась твёрдо. Сошлись на Альке, мало-помалу даже брат привык.

Ну а здесь, на лодке, путаться не приходилось. Сашка. Александр Дмитриевич Вершинин, будущий журналист.

Вот с кессонкой она не прокололась чудом. Похвастаться захотелось, утереть Караяну нос. Сейчас бы стояла уже перед командиром, старпомом, замполитом, особистом и давала бы показания о том, как она докатилась до жизни такой.

А в самом деле – как?

И ведь уже почти не нервничала, переодеваясь, пока Илья Холмогоров мирно валялся у себя наверху или уходил на вахту. И не гадала, может ли кто-то что-то разглядеть под её робой, по-научному – РБ, костюм радиационной безопасности. Насчёт душа она вначале беспокоилась больше всего, но оказалось, что ей вполне по силам вымыться и переодеться за пару минут, пока смена ещё не пришла с вахты на помывку, а воду в цистерну уже подали.

Никому на корабле особо не было до неё дела, и, пожалуй, её это более чем устраивало.

Всё-таки правильно Караян сказал, провожая её в отсек: страшнее всего, когда человек начинает осваиваться в опасном месте. Тут-то он и теряет бдительность.

Ладно. В другой раз она так не ошибётся. А Артуру ведь не повредит немного пересмотреть свои представления о журналистах, правда?

– Вот хорошо, Александр Дмитриевич, давайте так оставим. А знаете, что я думаю?

Нет, конечно, она не знает. Что на уме у Константина Иваныча, не один оракул не предугадает.

– Давайте мы с вами к картинкам сделаем подписи! В стихах.

– Сложно, – она покачала головой. – Со стихосложением я не очень дружу.

– Так у меня одно уже готово.

Замполит проворно раскрыл пухлую синюю папку на завязочках.

– Любовью нашей доблестной страны

Все наши мысли, все сердца согреты,

И к ней стремятся песни и мечты

Полётом баллистической ракеты!

Он хлопнул ладонью о ладонь, глаза сверкнули творческим восторгом:

– Ну как?

Сашка вдохнула и выдохнула.

– Чувствуется энергия и сила, Константин Иванович. Но, боюсь, командиру не понравится.

– Да почему же?

– Ну, не знаю, как он, а я бы на его месте предположил, что ракеты вы собираетесь запускать как раз по родной стране. Раз они к ней стремятся.

Замполит нахмурился, помолчал, едва заметно шевеля губами. Скомкал листок.

– Буду думать ещё. И вы, Александр Дмитриевич, думайте!

Ну разумеется.

Вершинин сидел на диване, сняв китель. Форменная рубашка липла к спине – не то от дождя промокла, не то от пота. Надо у Сашки сухое что-нибудь попросить. Да. А самому бы горло промочить, в горле сохло нещадно, но сейчас лучше рассуждать на трезвую голову, да и водки нормальной у Сашки хрен найдёшь или хотя бы коньяка. Сплошь ядовито-цветные ликёры в бутылочках за стеклом.

Сам Сашка оседлал угол стула, смотрел, опустив голову, куда-то в сторону ступней Вершинина. Кот нашкодивший.

– Сестру свою отправил на атомную подводную лодку, – тихо говорил Вершинин. – Молодец. У тебя в голове ничего не щёлкнуло? Она же одна у тебя, один на свете человек, которому до тебя, долбоклюя, дело есть. Я что? Я сегодня хожу, а завтра хлобысь – сердце или ещё что-нибудь, и останешься ты сам за себя. И пропадёшь, если некому будет за тобой приглядеть.

– Что вы такое говорите, дядь Слав, – буркнул Сашка. – Живите долго.

– Да с твоими фокусами копыта откинешь лет на десять раньше положенного! – съязвил Вершинин, откинулся на плюшевую спинку дивана. – У этой-то дурёхи вроде бы мозги не слиплись ещё, как она-то согласилась?

– Не соглашалась она, дядь Слав, – Сашка подался к нему. – В смысле, я её не уговаривал, мне вообще в голову не приходило. Мне просто страшно было так, что пиздец. А Алька говорит: давай я за тебя. Я, говорит, не знаю, куда иду, что люблю и в чём смысл меня. Может, там попробую разобраться.

– Смысл, – пробормотал Вершинин. – Я ей устрою смысл. Начиталась сопливых книжонк. От безделья всё. Академ взять – пожалуйста, картинки малевать целыми днями – пожалуйста. Я ей устрою сеанс медитации – живо она у меня просветления достигнет... Но ты-то? – он ввинтился взглядом в Сашку. – Ты хоть понимаешь, в какую глубокую задницу вы залезли? «Белуга» – военный объект. А эта ссыкуха пролезла туда без допуска к государственной тайне и, что ещё хуже, под чужими документами. Вы же сесть можете оба! И я заодно с вами. Спасибо – устроили вы мне подарочек под конец карьеры.

На подлокотнике затрещал телефон. Вершинин потянулся к нему, торопливо принялся вбивать смс-ку.

– И за сегодня – спасибо большое. Посидел с товарищами на природе, шашлыков пожарил. Спасибо, Сашенька.

– Дядь Слав, да никто же не узнает! – Сашка поднял голову. – И вы бы не узнали, и всё было бы в порядке. Как же вы меня вычислили?

Вершинин поморщился.

– Увидел, как ты из турфирмы выходил. Улетать собрался?

– Ну да, на Кипр только загранпаспорт нужен, а он при мне остался. Хотел, чтоб уж точно мы с вами нигде не пересеклись, – Сашкин рот скривился.

– И за Альку мне смс-ки писал?

Вершинин поднялся, прошёлся по комнате. В боку поскрёбывало.

– Я даже не мог всерьёз подумать, что это действительно ты. Так, кольнуло что-то. Зашёл в турфирму, расспросил. Они, конечно, сначала – а вы кто? а с какой целью? Ну, разговорить-то я умею, – он невесело усмехнулся. – Так и так, всё верно, Вершинин Александр Дмитриевич, Кипр, Греция и Испания, на два с половиной месяца...

Остановившись, он взглянул на Сашку в упор.

– Подлый ты. Она хоть дура, да без гнили. А ты гниёшь уже давно.

– Дядь Слав, – он привстал, – ну виноват я, виноват! Но она же сама...

– Сама, – повторил Вершинин. – Вот об этом я и говорю.

Сашка помолчал, ковыряя носком ступни гладкий пол.

– Дядь, – тихо позвал. – Что мне делать теперь?

Вершинин пожал плечами.

– Сдавать билеты. Ты допуск к гостайне подписывал – хрен тебе, а не заграница, пока пять лет не пройдёт. Радуйся, что тебя поймал я, а не погранконтроль.

Сашка вздохнул.

– И молиться, чтобы Алька, во-первых, вернулась живой и здоровой, во-вторых, чтобы никто про ваш маскарад с переодеванием не узнал.

Помолчав, Вершинин нервно хмыкнул:

– Нет, ну как она это собирается делать? На лодке-то!

Глава 8

– Роман Кириллыч, разрешите? – в салон командира заглянула лысеющая голова старпома.

Ну, это он так называется – салон. На деле – две комнатухи, в одной – рабочий стол, шкаф с бумагами, кое-как пристроенный у стенки компьютер, в другой – застеленная койка и ещё один шкаф, для одежды и всяких безделушек с берега. Когда Кочетов принимал корабль, матросы коробками выносили журналы, кассеты, книги, принадлежавшие его предшественнику. С разворотов призывно улыбались обнажённые красавицы, книжки пестрели заголовками в духе «Бешеные Волки-2: возвращение Слепого Снайпера». Кассеты Кочетов проверять не стал – впрочем, наверняка матросы исправили за ним это упущение.

Перед первой своей автономкой в качестве командира (когда ж это было, Господи? Семь лет назад? Восемь?) Кочетов подумывал взять с собой гитару. Но ведь гитара и в кают-компани есть – бери кто хочешь, командиру уж точно не откажут, жаль только, времени взять её в руки никак не находилось. А в каюте она только мешала бы. Если тревога, авария, упадёт ещё, отшибёт тебе что-нибудь или проход загородит.

Вообще, чем меньше вещей на корабле, тем лучше.

– Заходи, Палыч, – Кочетов выключил монитор со схемами акватории, повернулся на стуле. – Садись.

Старпом покосился на него с сомнением:

– Роман Кириллыч, а что это ты сегодня не ходил на обед с командой? Тебе хоть еду принесли?

– Только что вестовой тарелки забрал, – Кочетов махнул рукой. – В кои-то веки я хоть поел с аппетитом. А то сижу с вами, как кол проглотил: только бы не раскашляться, думаю. И так уже все косятся.

– Ты бы всё-таки доктора навестил, – буркнул старпом. – Две недели кашляешь.

– Да я был уже, – хмыкнул Кочетов. – Анализы, говорит, надо сдать, тащ командир. Какие нахер анализы? Ты мне таблеток, говорю, дай, чтоб я от кашля не просыпался и чтоб матросы его не принимали за ревун аварийной тревоги.

– Ну и как, дал? Полегчало?

– Ещё бы он таблеток пожалел для командира. Вон, целая коробка, – Кочетов хлопнул по ней ладонью. – Вроде и правда сплю получше.

Старпом пожевал губами, словно хотел ещё что-то спросить, но качнул головой.

– А ты чего пришёл-то? – поинтересовался Кочетов. – Вряд ли чтобы о моём здоровье разговоры разговаривать. Давай, выкладывай.

Старпом прочистил горло.

– Да, я всё собирался... Кстати, я Олега, особиста, к замполиту отослал боевой листок смотреть. Чтоб он уж точно под ногами не крутился.

– Таак, начало интригующее, – Кочетов сложил руки в замок на крышке стола. – Ближе к делу, Палыч.

– Да мне нечего сказать-то, Роман Кириллыч, – он неловко развёл руками. Я – ты знаешь: раз есть приказ, значит, в лепёшку расшибись, голыми руками в реактор залезь, а выполни. Я у тебя хотел спросить. Мы ведь с тобой подо льды ходили. И «Тигров» испытывали – никто до нас ими ещё не стрелял! Но тогда всё как-то понятно было, – он поморщился. – Если не выгорит, угробим лодку – то хоть понятно, ради чего старались. А щас? Как же оно так выходит? Я с этими парнями из института разговаривал. Всё, говорят, рассчитано точно. А я бы их, Ром, за шкирку – и к нам сюда, в центральный. Раз всё рассчитано, то пусть вместе с нами и стоят.

– Риск, конечно, есть, – отозвался Кочетов.

– Да разве в риске дело? Да ебись оно всё торпедой, разве хоть раз кто-то мог обо мне сказать, что я струсил? – старпом привстал, круглое лицо порозовело. – Просто – я не могу понять, ради чего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.